

The book cover features a detailed illustration of a woman's face in profile, looking towards the right. Her hair is light and voluminous. The right side of her face is partially obscured by a complex, layered composition of elements: a large, glowing eye with a blue and red iris, a circular object resembling a lens or a gem, and a scene of a city street with figures and buildings. The overall style is painterly and evocative, with a dark background behind the lower half of the face.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
НАСИЛЬНИКИ
(ЛЕНТЯЙ)

Алексей Николаевич Толстой

Насильники (Лентяй)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014166

Насильники (Лентяй): ФТМ; Москва; 2017

ISBN 978-5-4467-2127-6

Аннотация

Любовный квадрат со счастливым концом. Примечательно, что эта комедия Толстого, впервые поставленная в Малом театре в 1913 году, наделала много шума и вскоре после премьеры была снята со сцены и запрещена к постановке даже в провинциальных театрах.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Действие второе	25
Действие третье	40
Действие четвертое	54
Действие пятое	83
Картина первая	83
Картина вторая	93

Алексей Толстой

Насильники (Лентяй)

Комедия в 5 актах

Действующие лица

Клавдий Петрович Коровин, 30 лет.

Вадим Вадимыч Тараканов – его дядя.

Кобелев – помещик, 40 лет.

Алексей Алексеевич Носакин – помещик, 60 лет.

Фока – его сын, 24 лет.

Марья Уваровна Квашнева – троюродная сестра Коровина.

Сонечка – ее дочь, 19 лет.

Артамон Васильевич Красновский – 30 лет.

Нина Александровна Степанова – 27 лет, девица, бывшая учительница, теперь страховой агент.

Нил Перегноев – в услужении у Коровина, 40 лет.

Катерина – экономка Коровина.

Никитай – кучер Квашневой.

Володька – ямщик.

Живописец – ученик Маковского, посланный в деревню изучать быт.

Действие происходит в доме Коровина и около.

Действие первое

Лесная поляна. Посреди осокорь, у него и у березы листва осенняя; в глубине гривка, поросшая кустами; за ними, под косогором, невидимая лесная дорога. Артамон *глядит на дорогу. Между берез ходит Нил, ищет грибы.*

Артамон. Ничего не видно.

Нил. Обязательно должны подъехать, обещались.

Артамон. Ты все путаешь, скажи ясно и коротко, что она писала?

Нил. Писала она – привезу, мол, дите, в последний раз, окончательно; чтобы сегодня, мол, непременно посватался, потому, говорит, на весь уезд срам.

Артамон. А что Клавдий Петрович, напугался, наверно? Вообще, как на него подействовало?

Нил. Клавдий Петрович письма не дочитал, положил на окошко, говорит: ужо прочту... Ветер подул, письмо в сад улетело. К тому же он портрета хватился в это время. Ведь вот, Артамон Васильевич, Клавдию Петровичу отвалено мерою и лесов этих и земли, а живет он много хуже вас. Отчего сие, – как говорил папаша мой – диакон, – кругом тебя и трава, и козявки в ней, все это копошится тоже со своим удовольствием; погляди повыше: лес растет, – ты его руби, а он растет, а повыше леса облака. Вот в них вся сила. Первое дело – надо спокойствие иметь. Лети куда хочешь, дор *от*

много и везде хорошо. Вот! А Клавдия Петровича нашего раздрает, хоть и сидит он – головы не повернет, а лучше бы из стороны в сторону бегал.

Артамон. Эх, черт, были бы деньги!

Нил. Не в деньгах сила. Вот мне не приказано дома разговаривать совсем... А разве могу молчать? С грибами неодушевленными и с теми говорю с удовольствием. Иной такой гриб стоит – шляпу перед ним снимешь. У вас вот тоже, хоть, кроме штанов да развальящего хуторишка, нет ничего, а живете с большим удовольствием. А наш Клавдий Петрович при своих поместьях только дремлет да на портрет глядит.

Артамон. Скорее бы уж кончали они эту канитель. Говорю – придет старуха, накричит...

Нил. Марья Уваровна-то? Еще бы, натерпелась тоже, сватавши; год уже ездит; как произведет себя в тещи, начнет воевать...

Артамон. Главное – сегодня ей на глаза не попадаться. Послушай, мне до зарезу необходимо поговорить с Сонечкой, придет она со старухой, как думаешь?

Нил. Обязательно вместе приедут.

Артамон. Я не о себе, конечно, – о Клавдии Петровиче хлопочу. Ты устрой, Нил, чтобы она в сад пришла сегодня. Устроишь?

Нил. Как бы нашему барину урона не вышло?

Артамон. Ах ты дурень!

Нил. Дурень, дурень, а вижу, – за чужой невестой безоб-

разно прихлестываете.

Артамон. Осторожнее, вот я тебя...

Нил. Нет и нет грибов. Куда спрятались? Бывает, что и свинья гриб сожрет. Сказать надо управляющему, чтобы свиней в лес не пускал.

Артамон. Что? Намеки?

Нил. Артамон Василич, не трогайте меня, и так ведь душа еле держится.

Артамон. А про меня скажи, что убежал, мол, на охоту. А к вечеру ей шепни, что, мол, в саду... понял?

Нил. Понял.

Артамон. Попробуй только послушаться, немедленно Клавдию Петровичу расскажу, кто портрет спрятал... Я видел вчера, как ты его прятал.

Нил. Артамон Василич, лучше сучок сломайте, отколоти-те меня в свое удовольствие: не заикайтесь вы барину насчет портрета. Впутали и впутали меня совершенно напрасно... Не поверите, Клавдий Петрович как хватится, как огорчит-ся – где портрет, – в первый раз за всю бытность кулаком на меня пошел...

Артамон. Отстань, Квашнева просила спрятать, а не я.

Нил. Хорошо. В каких выражениях прикажете Сонечке передать – с вытаращенными глазами или шепотком с подмигом. Одно, можете себе представить, действует сразу, сию минуту прибежит; а другое – полегче, она и повальяжится, и припудриться успеет; я их характер вполне понимаю – де-

вица-с.

Артамон. Передай два слова: люблю и жду. Едут, кажется, – бубенцы!

Нил. Нет, это с той стороны.

Артамон. И с той.

Нил. Да, и с той позванивают.

Артамон. Это они. (*Заглядывает сквозь кусты.*) Соня. В белой шапочке.

Нил (*глядит*). Барыня какая-то едет, неизвестная. Батюшки! Колесами зацепились!

Голос Володьки. Да не лезь ты, леший! Держи!

Голос Никитая. Но, голубчики, левой держи!

Голос Володьки. Левой, левой, сам ты правой. В болото, что ли, полезу? Не при... Стой!.. Тпру!..

Треск.

Голос Никитая. Вороти, вороти, но, родные!

Треск.

Смотри, опрокину...

Треск.

Ах ты, стой, осаживай!

Голос Володьки. Легче, легче, зацепишь!

Артамон. Боже мой! Они опрокинутся.

Нил. В болото-то по ступицу засели.

Голос Нины. Осторожнее, осторожнее, ямщики!

Голос Квашневой. Вот я вас, мошенники!.. Вороти, Никитай! Никитай, кнутом их, кнутом!..

Голос Никитая. Ничего, проедем. Но! Выноси, родные...

Страшный треск, плеск воды, молчание.

Голос Володьки. Ах ты, собачий сын!

Голос Никитая. Зацепились, беда какая...

Артамон. Оба тарантаса сломались. Я убегу, Нил, ты помоги им вылезти. Я поблизости все время буду... Смотри же, не забудь, шепни.

Нил. Будьте надежны...

Артамон. Чтобы старуха не слышала. Смотри же, старый гриб... *(Ушел направо в лес.)*

Нил. Смотри, смотри, посмотрелся... Ах ты... Привязался к чужой невесте, жулик... *(Глядит под косогор.)* Никак кучера собрались драться... Подожди, дай срок, я тебе разъясню...

*Из-под кручи выскакивает **Володька** с кнутом.*

Володька. Я тебе покажу, как перепрокидывать!

*Из-под кручи вылезает **Никитай** с кнутом.*

Никитай. Ты зачем барский тарантас увязил?

Володька. Я тебе покажу перепрокидывать!

Никитай. Ты зачем меня увязил?

Володька. Я тебе покажу!...

Никитай. Покажи...

Нил. Кучера, кучера, как вам не совестно, господа в болоте сидят, а вы бранитесь... *(Кидается их разнимать и от обоих ему попадает.)* Ай, светы мои! ай! светы мои!

Володька. Ишь ты, как подвернулся!

Никитай. Кажись, я все по тебе да по тебе, Нил?

Нил (*отбежав*). Меня-то за что? Бесстыдники...

Володька. Кабы не он, я бы тебе пух выпустил, дядя Никитай.

Никитай. Ты на меня рискнул?

Голос Квашневой. Никитай!

Нил. Господ тащите, бесстыдники! Иду! Вот вам Клавдий Петрович всыплет перцу.

Голос Квашневой. Никитай, Никитай, иди же ко мне.

Никитай. Сейчас. Ах, молодой какой, да неласковый...

Голос Квашневой. Никитай, Никитай...

Никитай. Иду, не тысяча ног. (*Идет.*) С тобой, Володька, ужо расправлюсь. Я знаю, ты краденых лошадей в Колывань гонял. (*Улезает вниз.*)

Володька. Ишь ты... И то, пойти барышню мою вызволить. Дядя, подсоби-ка. (*Идет.*)

Нил. От Никитая вытерплю, от тебя не снесу... Где такой закон – кнутами стегать... Вор, конокрад, уж наверно...

Володька. Заладили... (*Улезает вниз.*)

Снизу появляется Нина, протягивает Володьке руку, тот ее вытаскивает.

Нина. Нечего сказать – ямщик! Иди скорей, отвяжи чемодан, брось его на сухое место...

Володька. Ладно... Только, барышня, раньше как завтра к вечеру отсюда не выберемся, ось поломана... Доведется

вам пешечком до усадьбы дойти, коней и чемодан я туда доставлю... (*Ушел.*)

Нина. Ах, как неприятно...

Нил. Доброго здоровья, сударыня...

Нина обернулась, взглянула.

Никакой неприятности от посещения нашего барина, кроме удовольствия, никто еще не получал.

Нина. Вы кто такой?

Нил. Дьяк в расстриге, Нил Перегноев, нахожусь в настоящее время при Клавдии Петровиче личным секретарем и переписчиком.

Нина. Клавдий Петрович Коровин? Кажется, я слышала. Что же он, писатель? Что вы переписываете?

Нил. Ничего отроду не писали, спят да бормочут под нос – все их препровождение; а я для ради занятия из старых газет новости в тетрадь вписываю и им иногда читаю, – они и дивятся, сколько людей на свете живет.

Нина. Именье большое?

Нил. Большое, никому даже неизвестно, сколько земли в нем. В одной усадьбе дома друг на дружке стоят – до чего их множество.

Нина. Страховано?

Нил. Не могу сказать. Управляющий знает... А живем скучно – мухи и те вывелись. Муха любит общество, можете себе представить. А штату нашего всего я да Катерина – достойная женщина, хотя с пороком: три раза в году напива-

ется, как змей, с разрешения монаха Пигасия; имеет к тому аттестат. А уж напьется, беда! Будто черт ее какой вилами шпыняет...

Нина. Вы всегда столько говорите?

Нил. На стороне балуюсь, а дома строжайше запрещено, у Клавдия Петровича кружится голова, когда говорят или еще – по дверям шмыгают... Вот сами увидите; он вам обрадуется: вы замечательное сходство имеете...

Нина. Какое сходство?

Нил (*таинственно*). Не человеческое... Про портрет ничего не знаете? Ну, то-то, он у нас пропал. Уж такое горе!

Нина. Не понимаю.

Голос Квашневой. Не тащи, не тащи ты меня, руки вывернешь, старый бес...

Нил. Это Квашнева, Марья Уваровна, лезет. Необыкновенный, можно сказать, кладезь добродетелей. (*Бежит к обрыву, чтобы помочь Квашневой взобраться.*)

Нина. Какие все странные. Или после города по-иному всё. (*Глядит на деревья, задумалась.*)

В это время Квашнева, а за ней Сонечка вылезли из-под кручи. Квашнева сердито потрянула с себя руки Нила и Никитая.

Квашнева. С тобой, Никитай, в жизни больше не поеду. Вон! Прочь от меня, негодники! Иди к лошадям. (*Садится на пень.*) Подраться ему приспичило. Ведь лошади могли дернуть и расшибить меня, как тыкву.

Никитай. Не дернули же. (*Уходит.*)

Нил. Вы сухонькая, Марья Уваровна, капельки не попало, дозвольте репейничек снять.

Квашнева. А ты, чучело, сударь мой, передай своему Клавдию Петровичу: на него в суд подам за негодные дороги...

Нил. Дождь один виноват, плюхал всю ночь, плюхал, Марья Уваровна...

Квашнева. Вот я тебе плюхну. Я тебе не Марья Уваровна. Да что ты стоишь? Беги, одна нога здесь, другая там, положи барину, что сижу в его лесу на пне, как куча.

Нил. Лечу-с... (*Повернулся, побежал.*)

Квашнева (*вдогонку*). Народ гони с рычагами, коляску рукой не вызволить...

Нил (*стал*). А я старался, грибков для вас посбирал, все думаю – уж чем угодить Марье Уваровне... (*Убегает.*)

Квашнева. Вот так пассаж! Чинили, чинили коляску, а теперь опять чини. Софья, не сиди на голой земле, подстели ватерпруф.

Сонечка слушается.

И вам, сударыня, хоть и не знаю имени-отечества, а не советую. У нас помещица одна, Собакина, села на холодную землю и простудилась...

Нина. На мне теплая юбка, ничего...

Квашнева. Мошенники эти кучера, нарочно норовят залезть куда-нибудь погаже, в болото.

Сонечка. Воображаю, мама, Клавдий Петрович как засуетится. Ну, чтобы если приехали просто, а вы все сердитесь.

Квашнева. Она у меня дурочка... Замуж ее отдаю за Коровина. Но до чего неповоротлива! Я за нее расшибаюсь, она же вот, как сейчас, – каменная, нос этот у нее кверху...

Сонечка. Заладили свое при посторонних.

Нина. Скажите, где застраховано это имение?

Квашнева. Не здешняя вы?

Нина. Нет, проездом.

Квашнева. Ну, то-то. Сколько я крови через его страховку испортила – сказать трудно, нигде не застраховано – вот и все. На что глухой наш уезд, а даже мужик последний от огня в сохранности, кроме Клавдия Петровича, подите с ним поговорите...

Нина. Вот и прекрасно, очень кстати...

Квашнева. Да... Ну да... *(Помолчав.)* Что кстати-то?

Нина. Это меня очень устраивает.

Квашнева. Устраивает; конечно, не пешком же вам за собой чемодан таскать... Клавдий Петрович тарантас одолжит с удовольствием.

Нина. Именье огромное, я слыхала, должно быть, Коровин прекрасный хозяин.

Квашнева. Да уж такой хозяин... По правде скажу – все мы живем с прохладцей, не торопясь, не как в других уездах; там и фабрики, телефоны, и не разберешь – помещик это или жулик. Слава Богу, телефона у нас нет и в помине. Как

можно с человеком говорить и рукой его нельзя достать, ведь он тебе в трубку такое брякнет – поди потом судись!

Сонечка. Что это вы, мама.

Квашнева. Говорю, значит знаю, не перебивай. Живем тихо, ну, а уж на Клавдия Петровича плюнешь иногда, до чего увалень.

Нина. А что?

Квашнева. Нельзя сказать, чтобы ленив, а необыкновенный увалень. В поле ему ехать – дрожки эти с утра до ночи у крыльца стоят, а он лежит на диване, переворачивается.

Сонечка. На стене газеты читает: в зале штукатурка обвалилась, под ней старые газеты, честное слово!

Квашнева. А ты не смейся при посторонних, – кто смеется, тот глупый. Прислугу такую же завел, вот этого Нила, прости господи, да чучелу Катерину. Нарочно таких не выкопаешь... Так вы куда это едете?

Нина. По делам.

Квашнева. По каким делам?

Нина. Страховым.

Квашнева. Страховым? Ах, батюшки!

Нина. Я страховой агент.

Квашнева. Агент? Софья, уйди-ка, пособирай грибы...

Сонечка встает.

Иди, иди...

Сонечка. Кажется, не маленькая... (*Ушла направо.*)

Квашнева (*очень заинтересованная*). Замужем?

Нина. Нет.

Квашнева. Деввица?

Нина. Право, не знаю, как ответить. Я самостоятельная, моя фамилия Степанова, зовут Нина Александровна.

Квашнева. А не из евреев?

Нина. Нет, не из евреев.

Квашнева. То-то, хотя евреи хорошие бывают. *(Рассматривает.)* Агент... *(Жалобно.)* Ай, ай, ай, милая! Это страховое-то для вида у вас только?

Нина. Как для вида, я этим живу, небольшой пока заработок, но все зависит от старания.

Квашнева. Стараться приходится?

Нина. Не всегда, конечно; вот как сегодня в лесу – право, не хочется ни о чем хлопотать.

Квашнева. Размякли?

Нина. Почему-то мои воспоминания все связаны с такой вот осенью...

Квашнева. Значит, было дело...

Нина. Да, женщины трудно забывают некоторые вещи.

Квашнева. По холостым, чай, больше ездите?

Нина. Что?

Квашнева. А вы на старуху-то не фыркайте. *(Шепотом.)* Дело женское, – сама скажу по секрету, – дочь мою Софью насилу держу, так и рвется. Вот какие девицы пошли. Подите-ка поближе.

Нина подходит.

Есть у нас один помещик, нахал и мот, именишка половину в карты проиграл, половина – под векселями. Словом, одни усищи – весь его капитал. Хорошо. Дочь моя Софья и влюбись в него, прямо вынь да положь! Много ли девчонке нужно. А ведь я мать, милая. Сами едва выкручиваемся. Одна надежда на Коровина. Говорю прямо – свои мы, одной семьей живем... А этот прохвост видит, что кусочек мимо рта проходит, возьми да и расскажи все Коровину, Клавдию Петровичу. Тот и уперся: не женюсь и не могу. Прямо в стену рогами. А мне дурацкий предлог придумал с каким-то портретом. Видела я этот портрет. Так – мордашка, на вас похожа отчасти... Да какая бы ни была, нельзя же в портрет втюриться, его не ущипнешь. Словом, еду окончательно припереть жениха... Ах, милая моя, увидела я вас и сразу поняла, что мне Господь помощницу послал.

Нина. Что вы, какой же я вам совет подам?

Квашнева. Не совет, душа моя, а дело... Вам все равно. Вы женщина видная, да и занятие ваше по мужской части, – вертнете раза два хвостом, Артамошка этот и голову потеряет, о моей дуре забудет и думать. Падок он до женщин, Артамон-то Васильич.

Нина. Какой Артамон Васильич?

Квашнева. А Красновский.

Нина. Он здесь?

Квашнева. А вы разве знакомы?.. Еще бы, его все дамы очень знают. Вот я и говорю – вас Бог послал... едем, едем

со мной, душенька. Проживете денька три, Клавдий Петрович даме нипочем не откажет, застрахуется у вас непременно; экипаж вам дадим новешенький, поедете отсюда уж не одна, а с приятелем. Ну, что? Согласны, красавица?

Нина (*отходит*). Ах, подождите.

Квашнева. Подожду, не каплет. Подумайте, душенька, в эту вашу страховку все равно никто не поверит.

Никитай (*входит*). Барыня!

Квашнева. Что тебе?

Никитай. Муха лошадей заела.

Квашнева. Сейчас побегу твоих мух отгонять! Иди, иди прочь, сорви ветку, отмахивайся.

Никитай стоит.

Пошел!

Никитай. Не пойду я, меня там Володька срамит.

Квашнева. Какой Володька?

Никитай. Ихний кучер.

Квашнева. И срамит, верно, за дело.

Никитай. Не за дело срамит; в ноги кланяется: прости, пожалуйста, говорит, ты меня конокрадом обозвал.

Квашнева. Ах, батюшки, он моих лошадей украдет!
(*Встает, торопливо идет в кусты и под кручу.*) Разиня!

Нина (*стоит, страшно задумавшись; потом бежит к кустам*). Владимир, Володька, ямщик! Ну что, можно ехать? Как-нибудь? А верхом? Что? Ну, а села нет поблизости?
(*Отходит.*)

Голос Сонечки (*вдали*). Ау!

Голос Артамона (*поближе*). Ау!

Так несколько раз. Голос Артамона все ближе, Сонечкин удаляется.

Нина (*вслушивается со страхом*). Знакомый голос.

Артамон (*входит*). Соня, где ты? (*Увидал Нину.*)

Нина горько усмехается.

Что за черт?.. Неужто ты? Нина! (*Засмеялся.*)

Нина отвернулась.

Ведь это прямо анекдот, вдруг ты – в нашей глуши. Да каким же ветром?.. Ведь ты же в Москве живешь?

Нина. Нет, здесь.

Артамон. Голубушка моя, но ведь ты чертовски похорошела!..

Нина. Ах, что там.

Артамон. Нет, прямо красавица!

Нина. Что вам нужно?

Артамон. Значит, сердисься?

Нина. На что? Просто странно...

Артамон. А разве ты забыла?.. Ведь хорошо было... посмотри, совсем, как тогда, в Царицыне.

Нина. Что в Царицыне? О чем вы говорите, опомнитесь, пожалуйста. Вы шли куда-то, идите, вас звали...

Артамон. Фу, какая злючка... О тебе, Ниночка, я всегда вспоминаю с благодарностью...

Нина (*резко смеясь*). Я думаю, благодарить было за что.

Артамон. Ага, значит, помнишь. Скажу откровенно, я страшно раскаиваюсь.

Нина. Мне от этого не легче.

Артамон. Я поступил не так, – должен был немедленно жениться...

Нина. Скажите...

Артамон. Подожди. Но ведь мы сделаны не идеально. А мое правило – не раскаиваться и всегда начинать сызнова.

Нина. А мое не такое... Да, вы очень оригинальный тип, Артамон Васильевич.

Артамон. Оригинальный? Я не из обидчивых. Кстати, зачем ты заехала сюда?

Нина. По делу.

Артамон. Неужто все еще уроки и уроки? Я нахожу вообще – учить детей глубоко безнравственно. Учишь, учишь и вдруг какой-нибудь гадости научишь.

Нина. Успокойтесь. Теперь я страховой агент.

Артамон (*засвистал*). Здорово. Суффражистка?

Нина. Глупо.

Артамон. То-то, смотрю – ты премило одета. Знаешь, что? Тебе все равно придется заехать в Коровино... Останься на неделю – и все там застрахуй... А? Я тебе помогу Клавдия Петровича уговорить.

Нина. Мерси. (*Садится*.) Вас, кажется, ждут.

Артамон. Да, увы!

Нина. Бедная девушка.

Артамон. Ты про кого?..

Нина. Про ту, кто вас зовет.

Артамон. Откуда ты знаешь?

Нина. Боже мой, – знаю... Мне даже поручено спасти ее.

Артамон. Тебя Квашнева просила меня отбить... (*Смеется.*) Милая моя, она всех молодых женщин об этом просит. Тебе, конечно, все равно, но клянусь, девочка влюбилась, но я почти как брат, ухаживаю для тренировки.

Нина. Успешно идет эта ваша тренировка?

Артамон. Ах, Нина, ты немножко только войди в мое положение... После тебя – никто, поверь, никто не может понравиться.

Нина. Даже певичка от Яра.

Артамон. Фи! Это было под пьяную руку, ты слишком нетерпима... И притом совершенно недооцениваешь себя... Ведь ты чертовская женщина! И я люблю эту твою дьявольскую ревность.

Нина. Пожалуйста, я ни к кому не ревную...

Артамон. Нина... приходи вечерком в сад... По некоторым причинам я удираю сию минуту и не явлюсь до вечера... Родная моя, на минутку забудь, попробуй, приди... Я должен рассказать невероятно много...

Нина (*после молчания*). А если приду?

Артамон. Ты же знаешь, что!.. Мне здесь смертельно скучно... Я понял, что без тебя нет жизни нигде. Ну, приди... Если нужно – ругай меня, поколоти, только приди...

Голос Сонечки. Ау!

Нина. Зовет, идите.

Артамон. Милая, согласишься... (*Хватает ее, целует.*)

Родная моя, как я тосковал.

Нина. Пусти...

Квашнева (*глядит на них из-за кустов.*) Ох, батюшки, запыхалась...

Артамон исчезает. Квашнева входит.

Как воз везу, разорвет меня как-нибудь в одночасье.

Входит Сонечка с охапкой листьев.

Сонечка. Это не вы аукали, нет?

Нина не отвечает.

В лесу то там, то здесь аукнется. Смотрите, какие листья.
(*Вздыхает.*)

Квашнева. Нилку этого посылать, как за смертью... (*Соне.*) Кто аукался?

Сонечка. Я почему знаю. Ходят в лесу по грибы и аукаются... Мама, кого мы ждем? Пойдемте...

Квашнева. Уйдешь, а без хозяйского глаза коляску рычагами разворочают... Отсырела я, вот что... Чаю хочу.

Вдали голоса.

Идут, никак, слава богу... Софья, покричи!

Сонечка (*идет и аукает*). Ау! Мы здесь!

Голоса приближаются – откликаются ближе.

Квашнева. Мать за дуру почитает – знаем мы, какие в лесу грибы аукаются, отвернись на минутку. (*Быстро пере-*

кинулась к Нине.) Ну что, красавица, надумали? Видела, все видела, время не теряли, спасибо, – так-то лучше, сразу быка за рога. Чем могу, отблагодарю – брата моего уговорю страховаться... Согласны... значит?

Нина (*с трудом*). Хорошо. Согласна.

Сонечка. Мужики пришли.

Квашнева. Спасибо вам, милая. Заварим с вами кашу – только ложку припасай.

Уходят.

Занавес

Действие второе

*Зал в доме Коровина. Под вечер. Три высоких окна прямо; убранство залы старое, перед окном кресло с большой спинкой, скрывающей **Клавдия Петровича**. Направо дверь, на лево ступени, арка и видна столовая.*

*На ступеньках стоит **Нил**, повыше – **Катерина**.*

Катерина. Ну что, Нил?

Нил (*шепотом*). Я уж распорядился, побежали выручать; приказал, чтобы рычаги захватили беспременно. Спит наш?

Катерина. Бог его знает, голубчика, спит али так глазки закрыл. Давно чего-то не шевелился.

Нил. Сказать надо бы, что гости-то.

Катерина. Да как сказать, сама не знаю, что надо; помутилось в глупой моей голове. Нил, ведь срок завтра моему аттестату.

Нил. Катерина, любезная моя, воздержитесь, время не такое; дайте молодых окрутим, тогда пейте на здоровье.

Катерина. Пропадающая моя голова; за что, за что Господь наслал такую скверность...

Нил. Без толку не пошлет, была, стало быть, к тому причина; ведь вы не без яду, Катерина Ивановна...

Катерина вздыхает.

Гостям приготовили покушать?

Катерина. Петуха велела зарезать, с кашей его сварю.

Нил. Что это вы, Катерина Ивановна: с кашей только бедные едят...

Катерина. Так с чем же, петух ведь лиловый.

Нил. Изрубить его мелко и в котлету.

Катерина. И то надоумил – обеспамятела я, обестолковела.

Нил. А вы погромче, может, наш-то проснется...

Катерина. Ох, боюсь, – вдруг раскроет глазки и огорчится...

Нил. Что же нам делать? Приедет Квашнева, кинется к нему сразу – хуже будет.

Катерина. Ты сам постучи.

Нил. И то, постучать да прибрать, пока гости не наехали. А вдруг возьмут да наедут. Долго ли до беды. *(Сходит в залу, будто прибирает, двигает кресла, роняет вещи.)* Артамон Василич, вот уж хлюст, боюсь я его до смерти.

Катерина. Насилу его после чая в сад прогнала; вчера говорил, говорил, говорил, говорил – птица и та помолчит в свое время; наш-то совсем затосковал; что делать будем?

Нил. Чего ему у нас нужно, никак не добыюсь.

Катерина. Барину паровик свой продает. У нас паровиков и без его достаточно; а он: ты, говорит, Клавдий Петрович, купи все-таки, по крайности ездить на нем будешь.

Нил. Станет вам Клавдий Петрович на паровике ездить! *(Таинственно.)* Дело не в паровике; Артамон Василич воду мутит, – охота ему за Сонечку с нашего барина получить от-

ступного.

Катерина. Вот грех, прости господи! (*Вздыхает.*) Пойду петуха щипать.

Нил. Идите, да воздержитесь, Катерина Ивановна.

Катерина вздыхает и уходит.

(*Громко.*) Ох, приедут гости – Марья Уваровна с дочкой и еще неизвестная путешественница. Ей-богу, сейчас приедут... (*Роняет кресло.*) Клавдий Петрович, а Клавдий Петрович!

Клавдий (*высовывается из-за спинки голову*). Что ты так стучишь?

Нил. А я говорю – гости могут приехать.

Клавдий. Не надо их...

Молчание.

Послушай... (*Садится на диван.*)

Долгое молчание.

Сегодня она опять приснилась.

Нил. Портретная-то?..

Клавдий. Да. Сначала вижу – будто я маленький и залез на дерево. На ветках все гнезда, и птицами пахнет. Залез и сижу, а внизу, на земле, красные бумажки валяются, от прошедшего фейерверка. Вдруг стало мне грустно, а потом еще грустнее... Сижу на дереве, заплакал... (*Задумался.*)

Нил. Вот со мной тоже бывает. Сижу, сижу и ни с того ни с сего заплачу.

Клавдий. Странно стало – отчего грущу, и вдруг понял –

вижу, по нашей поляне идет фигура. Так и захолонуло. Потом все перепуталось, перепуталось, перемешалось.

Нил. И у меня тоже, постоянно в голове все перепутается.

Клавдий. Сны оттого чудесны, что легко перелетаешь, не нужно ходить, маяться... То на дереве сидишь, и вдруг уже перед балконом... А полукруглое окно, знаешь, под крышей, сразу раскрылось, на подоконник облокотилась девушка, глядит глазами на небо, на сад, на дорожки и улыбается грустно... А сердце мое вот так и стучит; вглядываюсь, у ней знакомое лицо, родное... Хочу, чтобы и на меня посмотрела – посмотрит, и будет счастье... Рукой бы махнуть – не двинуться, а лицо у нее такое знакомое, боже мой...

Нил. На Сонечку сходственное?

Клавдий. Нет. Сонечку никогда не вижу во сне, она не настоящая... А на нее, на Нину, на наш портрет... *(Встает.)* Нил, найди портрет... Прошу тебя... Он никуда не мог деваться, его спрятали нарочно... Он сто лет висел здесь, тридцать лет я гляжу на него... Найди, жить не могу... Она единственная... Мне казалось, если я долгие годы буду глядеть и хотеть, она придет. А жизнь пролетела... я ничего не сделал... К чему все это, когда любить некого...

Нил. Осмелюсь посоветовать, Клавдий Петрович, – женились бы на Квашневой, ей-богу; а то одна тоска у нас – хоть в лес беги...

Клавдий. Женюсь, только не на ней. Послушай, какое имя – Нина!

Нил. Почему Нина? Может, ее совсем и не так звали. Слушать вас прямо опасно – виданное ли дело жениться на изображении!

Клавдий. Ничего не понимаешь, – если суждено, она придет. Чем я виноват, что полюбил только портрет; но ведь лицо у нее единственное – другого не полюбишь; я вот даже и не знаю, откуда он попал в наш дом. А люблю. Не просто это. Оставь. Не можешь найти, так не разговаривай.

Нил. Ох, беда какая! Где же я его найду?

Клавдий (*сел в кресло напротив, [Нил] стал у стены, где ободрана штукатурка*). Тут я про Наполеона Третьего разобрал, ты перепиши в тетрадь, а то видишь, как высоко, – читать трудно.

Нил (*влезает на стул, читает*). «Пруссаки заняли все высоты – французы отступают...»

Клавдий. Какое было кровопролитное сражение.

Нил. Да ведь это, Клавдий Петрович, давно очень было...

Клавдий. Ну что же, а я говорю: кровопролитное.

Нил. Учитель здешний рассказывал – немцы вот поссорятся и бранят друг друга, а рукой ни-ни. А французы всегда дерутся молча.

Клавдий. Глупости какие... Где мой носовой платок?

Нил. В кармане, чай.

Клавдий. И то, в кармане. Вот что – ты пойди, а я посижу, устал что-то сегодня.

Нил. Как же сидеть, Клавдий Петрович? Господи, ведь го-

сти сейчас приедут.

Клавдий (*с испугом*). Какие гости?

Нил. Да все она же, Квашнева с Сонечкой, и еще путешественница одна...

Клавдий. Ах, как это, Нил, наверно, ты сам их зазвал.

Нил. Вот лопнуть – сами.

Клавдий. А ты скажи – меня дома нет, в поле уехал.

Нил. Не поверят, Клавдий Петрович, виданное ли дело, чтобы вы по полям ездили.

Клавдий. Ну в город, что ли, уехал, в гостиницу... Я знаю – Квашнева опять начнет уговаривать жениться.

Нил. Эх...

За окном шум голосов.

Идут!

Клавдий. Что вы со мной делаете, всегда помешают, человек только подумать собрался, минуты нет спокойной. (*Идет к столовой.*)

Нил. Куда вы?..

Клавдий. Спрячусь... а ты что-нибудь придумаешь.

Нил. Ничего не придумаю. Клавдий Петрович, ведь они через столовую пройдут.

Клавдий. В самом деле... (*Поспешно идет направо.*)

Нил (*отчаянно*). Клавдий Петрович, да что же я им скажу?..

Клавдий (*пробуя запертую дверь*). Скажи ты им, скажи... Кто дверь запер?

Нил. Давеча сами приказали.

Клавдий. Что делать... Ах!.. Вошли... Пропал! (*Стал у двери.*)

Из столовой выходят Квашнева и Сонечка.

Квашнева. Опять, чай, спрятался.

Клавдий кланяется.

Вот он, сударь. Здравствуй, в гости приехала, дочь привезла. Рад? Да ты что к двери прилип?

Клавдий. Я за носовым платком...

Квашнева. Платок в руке, не ври...

Клавдий. Ах, какая забывчивость. (*Подходит, здоровается.*) Присядьте, пожалуйста...

Квашнева и Сонечка садятся. Нил стоит на ступеньках.

Квашнева. Ну, отец, я на тебя в суд подаю, за дороги... Ну, что выпучил глаза, пошутила, не подам. А ты вели нарубить тальнику, да и завали дорогу.

Клавдий. Сейчас распоряжусь. (*Вскочил.*)

Квашнева. Успеешь, успеешь, садись. Коляску все равно на твой счет почию. Садись. Ну, делал что?

Клавдий. Думал много...

Квашнева. Об ком думал, об нас?..

Клавдий. Отчасти...

Квашнева. Отчасти, ах ты, тугодум. Об нас подумай, ведь дочь, смотри, выросла, куда ее дену? Трудно мне, старухе.

Клавдий (*глядит на Сою*). Должно быть, очень трудно.

Сонечка. Мама...

Клавдий. Кушать не хотите?

Квашнева. Хорош хозяин... Очень даже хотим.

Клавдий. Сейчас распоряджусь. *(Вскакивает.)*

Квашнева. Сядь, опять сорвался...

Клавдий *(уже подбежал к Нилу).* Вот я ему насчет завтрака и насчет дороги скажу...

Сонечка *(тихо).* Мама, нельзя так сразу, мне, правда, противно.

Квашнева. А мне очень приятно. Плюну вот и уеду. Все скажут, старуха лезла, лезла, а жених за дверь поворот указал. Так и скажут...

Сонечка. Ах, только без меня, пожалуйста.

Квашнева шепчет ей на ухо.

Клавдий *(громко).* Ну все там прочее... *(Тихо.)* Распорядись и что есть духу беги с той стороны и в дверь, в щелку подглядывай; я кашляну и махну платком, тогда ты вбеги и крикни: «Телята в малинник ушли». Понял? не перепутай.

Нил. Так заору – перепугаются.

Клавдий. Кричать не нужно, а ты убедительно скажи.

Нил. Ну, ладно.

Клавдий. Ступай скорее.

Нил уходит. Клавдий возвращается к дамам.

Квашнева. Ну, что Катерина твоя, терпит еще?

Клавдий. Терпит. Катерина прямо замечательная. Что поделаешь, если у нее один порок. Вот этой весной так на-

пилась, так сильно напилась, что залезла в лопухи и там кричала сверчком. Я даже спрятался.

Квашнева. Храбрый, нечего сказать.

Клавдий. Как-то жутко стало! Вот на днях опять срок пришел ее аттестату, чуть ли не завтра.

Квашнева. Ах, батюшки, завтра тебе и обеда некому варить... Софьюшка, ведь нам надо остаться до завтра, как ты думаешь?

Сонечка. Все равно останемся.

Клавдий. Может быть, дела у вас неотложные?

Квашнева. Ничего... для тебя все дела отложу. Ты, Софьюшка, пойди сейчас на кухню и в столовую, помоги, присмотри. Приучайся, приучайся, душа моя, не все девичью коосу плести.

Сонечка. Что это вы, мама! *(Уходит.)*

Клавдий вздохнул в тоске.

Квашнева. Да.

Клавдий. Да...

Квашнева. Ну-с, Клавдий Петрович...

Клавдий *(подходит к окну).* Воздух чистый сейчас, осенний.

Квашнева. Осень на дворе.

Клавдий. Вот зима настанет, окна не отворишь.

Квашнева. Форточку отвориай.

Клавдий. Разве что форточку, я и не догадался... Зимой тоже хорошо, уютно, еще лучше.

Квашнева. Довольно... виляешь... Сколько тебе лет?

Клавдий. Тридцать.

Квашнева. И тебе не стыдно?

Клавдий. А что?

Квашнева. Тридцать лет у окошка просидел, такой богатырь!

Клавдий. Все не соберусь прокатиться.

Квашнева. И никогда не соберешься. А ведь я тебя как родная мать люблю.

Клавдий. Благодарю вас.

Квашнева. Слезами обливаюсь – глупый ты, глупый... Жениться надо тебе.

Клавдий (*встает, испуганно отойдя*). Ах, как можно!

Квашнева. То есть «как можно»? Как все.

Клавдий. Я так не хочу: все равно это не поможет. Не думайте, чтобы я не хотел жениться... трудно говорить об этом, Марья Уваровна.

Квашнева. Об одной твоей пользе пекусь. С десяти ты годков сироткой; матушка твоя, умираючи, говорила – не оставь его, Марья, жену ему найди достойную, малютке моему. (*Поплакала.*)

Клавдий (*растрогался*). Марья Уваровна, спасибо вам; мне скучно жить одному.

Квашнева (*тащит его к дивану*). Слушай. На той неделе сама в город ездила на бал, невест глядеть; думаю – найду ему кралю, – нет и нет, все девки одна хуже другой – от одной

пахнет противно, другая злючка, и все до одной – рожи, с души воротит.

Клавдий (*перебивая*). Но мне ведь одна только нужна.

Квашнева. Подожди, знаю, что не десять, не турок... Ну вот, расстроилась я. Вернулась домой, позвала дочь и ну разглядывать, как стеклышко.

Клавдий. Что это вы, Марья Уваровна, фу!

Квашнева. А ты не стыдись, дело житейское, жену брать – не поросенка купить. Чем ждать да искать – вот твоя невеста. (*Показывает на столовую, где Сонечки нет.*) Соня, Сонюшка, иди сюда!..

Клавдий. Пойдите, подождите, сейчас... (*Оглянулся на дверь, кашлянул, махнул платком.*)

Дверь приотворилась, вбежал Нил, крикнул неестественным голосом.

Нил. Те... те... лята по ягоду пошли!

Клавдий (*поспешно встав*). Ах, телята, телята...

Неловкое молчание, Квашнева смотрит на обоих.

Квашнева. Вот как. На французские фокусы пустился. Ну, хорошо, и я тебя фокусами. (*Подходит к Нилу.*) А ты знаешь ли, перед кем стоишь, поросенок? Вот, чтобы знал, чтобы помнил. Вон! (*Бьет его по щеке и выталкивает за дверь. Возвращается к Клавдию.*) У тебя, видно, ягоды по осени созревают. Благодарю, заплатил за материнскую заботу. Ожидала от тебя всего, а хитрости не ждала.

Клавдий. Извините меня...

Квашнева. А ты слышал, что поговаривают, будто старуха Квашнева на богатство польстилась и дочь свою продает Клавдию Петровичу за деньги, а он, мол, отказывает.

Клавдий. Неправда, какой ужас.

Квашнева. Говорят, в холостой дом девицу возить не полагается, а Квашнева, мол, возит. Ну, откажись, выгони нас...

Клавдий. Ладно уж, ладно.

Квашнева. Нет, не ладно. Как ты думаешь – дитя свое родное запереть в твоём доме на мученье с таким тюфяком, чтобы она без счастья увяла, – мне это приятно? Может быть, я долг свой выполняю, дочку мою, как в могилу, под венец веду, – об этом думал ты, черствый?

Клавдий. Я виноват во всем, поступайте, как хотите.

Квашнева. Нет, сударь, так не говорят, ты проси, умоляй меня, в ногах валяйся, – может быть, теперь я нипочем не соглашусь.

Клавдий. Марья Уваровна, подождите, вы все сразу и много, я уж и так перепутался... А поверьте мне – я своими чувствами пожертвую. Я живу во сне и любовь моя сонная, к девице несуществующей, – гляжу с детства на её портрет и мечтаю. Ну и что же – помечтал и довольно...

Квашнева. Так, так...

Клавдий. Настоящая жизнь грубая, не нравится мне она, но я признаю – моя обязанность жить, как все... Страшно это, конечно, поэтому я так долго и колебался; я готов сде-

лать предложение вашей дочери...

Квашнева. Вот!

Клавдий. Но ведь не обо мне идет речь, – я откажусь от фантазий и все, но Сонечкино счастье разбить не волен.

Квашнева. Ложь, наболтали тебе...

Клавдий. Нет, правда... Сонечка любит Артамона, и он любит Сонечку, хорошо, по-мужски.

Квашнева. Слава Богу, договорились. С этого бы начать надо. В том-то и дело, друг мой, Софье, не скрою, нравиться Артамон, но больше оттого, что она была оскорблена твоим невниманием. А твой Артамон – знаешь, что выкинул сегодня в лесу, – диву я далась... Наехали мы на девицу какую-то, зацепились, вылезли. Расспрашиваю, откуда, кто такая (*подмигнув*), – страховой агент... понимаешь? И только на минутку отвернулась. Хвать – Артамон тут как тут... Оказывается, он эту агентшу давно знает, гляжу, уж целуются, да как – взасос.

Клавдий. Как же это он? Может быть, случайно поцеловались?

Квашнева. Целуются-то очень даже не случайно; Артамошка так и завился около нее, и все... Ниночка... Ниночка.

Клавдий. Что?

Квашнева. Ниной ее зовут...

Клавдий. Ах да... Куда же вы ее дели?

Квашнева. В конторе чай пьет.

Молчание.

Ну, вывертывайся, что же ты молчишь!

Клавдий. Делайте как нужно, я не противлюсь.

Квашнева (*обнимая его*). Вот так-то давно надо было...

Вот и конец моей маете... Глупый ты, глупый, жену-то какую тебе поберегла. Вон идет, погляди, полюбуйся!

Клавдий (*не смотрит в окно*). Видал уж, видал...

Квашнева. Ты другим глазом погляди. За сирень зашла, сейчас выйдет... Ох, да это не она...

Клавдий (*взглянув в окно*). Кто это? Кто она?

Квашнева. Приезжая, та самая...

Клавдий (*в страшном волнении*). Что это... что это... что это...

Квашнева. Ты, отец мой, спятил...

Клавдий (*кидается к окну*). Ушла...

Квашнева. Ты про кого?

Клавдий. Нина!..

Квашнева. Откуда ты ее знаешь?

Клавдий. Господи боже мой! Ущипните меня, Марья Уваровна...

Квашнева. Да чего ты увидал? Уж не черти ли тебе представляются. (*Глядит в окно.*)

Клавдий. Точно с портрета сошла.

Квашнева. А, вот о чем: действительно, и я заметила – очень похожа. Эта девица, милый (*подмигнув*), холостой страховкой занимается...

Клавдий. Чем? Что?

Квашнева. Потом объясню. (*Берет его под руку.*) Пойдем закусывать, все животики подвело.

Клавдий. Не тащите меня, я успокоюсь.

Квашнева. Ну, посиди, я невесту пошлю. (*Уходит, кличет Сою.*)

Клавдий. Что я наделал... Господи, что же это?.. Сон? Какой страховкой? При чем Артамон? Ну, проснись, проснись, проснись! Какое сходство? Наверно, и не похожа совсем.

Входит Сонечка.

Сонечка. Идемте завтракать... Мама велела...

Клавдий. Ах, это вы...

Сонечка. Не узнали? Идемте, все равно уж...

Клавдий. Да, да, надо присесть, присядем. (*Садится.*)

Сонечка отвернулась.

Квашнева (*появляясь на лестнице*). Что за голуби... рядом сидят, наговориться не могут. Умилительно!

Занавес

Действие третье

*Лунная ночь. Поляна перед домом. Окна вверху освещены. С балкона лестница. Внизу прямо – дверь, над ней старается **Нил**, отпирая замок; подле стоит **Катерина** с подушками и чемоданом.*

Нил. Ржа керосину боится, ест он ее; пчела дыму боится; вы, Катерина, – водки. А я людей боюсь, очень их опасюсь... Все кого-нибудь боятся. Вот я и думаю: как лучше – со страхом жить или без него? Бояться плохо, а не бояться тоже не хорошо; кто ничего не боится – тому все равно, а кому все равно – тот отчаянный.

Катерина. Будет болтать, иди отпирай.

Нил. Вот Артамон Василич на что бесстрашный, а от Квашневой у него паника. Ночь на дворе, а он еще не являлся. Сонечка два раза сад обошла, и путешественница наша тоже... Поди его найди, не иначе как на деревне с девчонками...

Катерина. Ну, иди, иди.

Нил. Готово. Пожалуйте. *(Отворяет дверь.)*

Катерина *входит во внутрь.*

Поговорить досыта нельзя! А на что мне тогда язык – пить, есть я и без него попрошу.

Появляется из-за деревьев Сонечка.

Сонечка. Нил, ты никого не видел?

Нил. Сейчас должен прийти, – обязательно, говорит, буду...

Сонечка. Вот странно, я никого не дожидаясь. (*Помолчав.*) Где мама?

Нил. С Клавдием Петровичем в кабинете, документы просматривают. Сырость большая в саду, я сбегая шаль принесу.

Сонечка. Не надо. (*Идет.*) Все-таки, если кто-нибудь придет... я буду сидеть в липовой аллее... (*Ушла.*)

Нил. Ну и хлюст! За что его так любят? Усищи отрастил, она и думает, что он весь такой – шелковый.

Слева из сада появляется Нина.

Нина. Где Артамон Васильевич?

Нил. Не приходил еще,ждаемся.

Нина. Где же он ходит?

Нил. Неизвестно. Не иначе как на деревне задержался.

Нина. Когда явится, скажи, чтобы не трудился меня разыскивать. (*Уходит.*)

Нил. Может, в липовой аллее подождете?

Нина. Что? Где эта липовая аллея?

Нил. Сейчас направо первая, так напрямиком и дойдете. Барышня! – а постелить приказано вам здесь, и чемодан принесен.

Нина ушла. Катерина выходит.

Катерина. В помещении дух очень тяжелый.

Нил. Не проветривали, вот грибок и поросло. Что же

теперь будет, Катерина Ивановна?

Катерина. Что, Нил, что еще будет?

Нил. За ужином шампанское пили, поздравляли жениха с невестой, обкрутили, значит. А жених-то – как на поминках – туча тучей. Невеста куска не проглотила – шмыг в сад к полюбовнику; а эта путешественница, – увидите, Катерина Ивановна, – подожжет она дом, до чего зла... То ей Клавдия Петровича подавай, то Артамона, никого добиться не может; и глаза у нее такие неприятные, как у кота лесного...

Катерина. Ох, Нил, а мне все равно... Подкосились резвые мои ноги. Беда подошла.

Нил. Да неужто, Катерина Ивановна?

Катерина. Скрутило нутро, подвалило под грудь – и все слышу, будто из бутылки жидкость льется.

Нил. Да уж никак вы согрешить успели?

Катерина. Огорчилась я, Нил, за нашего голубя, голубчика Клавдия Петровича, выпила стакан за его здоровье. Отлегло!

Нил. Батюшки светы!

Катерина. Теперь воздержусь, но не дай бог, Нил, еще огорчиться... *(Садится на ступеньки.)*

Нил. Чего уселись! Доведете вы меня, Катерина Ивановна, до полнейшего отчаяния! Весь страх потеряю.

Катерина. Сижу – значит велено. Ох, не начинай ты гнилых разговоров...

Нил. Это вы гниль разводите, Катерина Ивановна, а я вам

опять повторяю: вы женщина ветхого происхождения, я же хоть и в соку, но на вас решительно никакой охоты жениться не имею. Напрасно только пугаете.

Катерина (*тихо*). Подлый!

Молчание.

Нил (*визгливо*). Если вы меня коснетесь, я в лес убегу.

Молчание. Сзади подкрадывается Артамон, хватает

Нила.

Ай, ай, ай!

Артамон. Передал? Сказал?

Нил. Чего вам нужно? Все я передал, ходят они обе, ждут... срам один.

Артамон. Ждут! Вот неприятность... А я в деревне задержался. Где же они?

Нил. Обе в липовой аллее, вместе дожидаются... По одному ведь делу...

Артамон (*в отчаянии*). Что ты наделал! Где у тебя голова? (*Засмеялся. Трясет Нила.*) Ты нарочно их свел?.. Я тебя доконаю... (*Бросил Нила, побежал.*)

Нил. Действительно, он меня доконает.

Катерина (*тихо*). Нил.

Нил. «Я тебя доконаю»... Доведете вы меня до поступков – все раскрою... И вас обличу, Катерина Ивановна, вы портрет спрятали.

Катерина (*тихо*). Нил!

Нил. Нет у меня никакой жалости.

Катерина. А мне хоть в воду, все равно, Нил!

Нил. Ну, воды-то вы боитесь, впрочем...

Катерина. Увидишь... Жалко будет, Нил... Так жалко...

Ни за что погубил женщину... Неужто тебе генеральшу надо? А я, может быть, сама благородного происхождения... Вглядись в меня, Нил, ведь в личике у меня сходность есть кое с кем.

Нил. Тьфу! Катерина Ивановна, нашли чем хвалиться... Происхождение ваше не что другое – барское озорство, и этим вы до крайности отвратительны... А насчет портрета действительно отвиливаете... Я на вашем месте сидел бы да каялся...

Катерина. Погоди у меня, я тебе штуку подстрою... Рот разинешь...

Нил. Это вам голову оторвут, а вы и рот разинете...

Со стороны обратной, куда убежал Артамон, выходят Сонечка и Нина.

Нина. И слушать не хочу.

Сонечка. Клянусь – между нами еще ничего такого не было.

Нина. Не хочу, повторяю вам, какая мерзость.

Сонечка. Вот и кричите на меня. Нина Александровна, я так влюбилась.

Нина. Мне-то это зачем знать?

Сонечка. Помогите мне.

Нина (*вдруг мягко*). Нет, не помогу вам в этом деле.

Сонечка. По крайней мере не говорите ничего ни маме, ни Клавдию Петровичу.

Нина (*помолчав, резко*). Не знаю, может быть и скажу. (*Пошла к двери.*)

Нил (*Нине*). Барышня, Артамон Василич пришли, вас очень ищут.

Нина. Что? А вас кто просил путаться?

Нил (*отступая*). Да, господи, я насчет общего дела стараюсь.

Нина. Думаете, я женщина – надо мной можно издеваться! Я и сдачи дам, поняли?

Нил. Еще бы не понять, – Артамон Василич, тот прямо за воротник ухватил.

Нина затворилась.

Пронесло тучу мороком... А спросить действительно – для чего Нил Перегноев запутался в этой канители?..

Сонечка. Нил, мама не выходила еще из кабинета?

Нил. Не должно...

Сонечка. Что? Не слышу, подойди ближе.

Нил подходит.

Ты что сказал этой... противной?

Нил (*шепчет*). Пришел, дожидается.

Сонечка (*вспыхнув*). Какие пустяки говоришь. Почему же его не видно? Поди проводи меня до пруда.

Уходят. На балконе появляются Квашнева и Клавдий.

Квашнева. Духота у тебя в кабинете, а здесь дышать

можно.

Клавдий. В саду воздух всегда легкий.

Квашнева. Утром подпиши страховой лист... а к вечеру надо гостей позвать... Чай, уж полночь: спать чего-то захотела... Где же Софья?... Софья!.. Софьюшка!

Клавдий. Не зовите, пускай погуляет... Вы подите, а я за ней пошлю Нила, он разыщет.

Квашнева. Нил, конечно, разыщет. Клавдий Петрович, скажи мне по душе, какой у тебя гвоздь в голове засел?.. Ведь ты ничуть не рад... Другой бы жених, задрав хвост, как теле-нок, за каждым кустом целовался, одних бы глупостей этих натворил целый короб!

Клавдий. Идите спать, Марья Уваровна...

Квашнева. Ох, Клавдий, я все понимаю...

Клавдий (*с испугом*). Что? Нет, вы не знаете... Пожалуй-ста, идите спать...

Квашнева (*молчит, отошла*). Завтра за Вадим Вадимычем Таракановым пошлю, вот он тебя вразумит.

Клавдий. Вы не сделаете этого...

Квашнева. Нет, пошлю! Опомнись, Клавдий, пока не поздно.

Клавдий провожает ее, тотчас возвращается.

Катерина. Сокрушил ты меня, сокрушитель. Зачем такие подлые на свете живут. Хоть бы дождик пошел. Днем одно светит, а ночью другое – хоть бы кто меня в столб обратил...

Клавдий (*поспешно сходит с лестницы, но внизу натывается на Катерину*). Ах, как я испугался!

Катерина. Это я, батюшка, глупая женщина.

Клавдий. Что сидишь, ведь поздно... Иди спать.

Катерина. Велено мне, батюшка; теща приказала, сиди, мол, до самого света, пока вы спать не ляжете...

Клавдий. Вот еще новости!.. Для чего же меня караулить?

Катерина. Уж этого не знаю... Думается мне, родной, в такую ночь, когда светит и светит, надо бы мужчин в одну комнату запереть, а женщин в другую, а ключи отдать бесчувственному какому, вроде Нилки... Очень это я понимаю.

Клавдий. Нет, Катерина, я не такой... Хотя неправда... Кажется мне вот, что весь сад живет в такую ночь... Приезжая барышня, она здесь, кажется, спит?

Катерина. Здесь-то здесь, милый, только вам не полагается о посторонней дамочке думать – своя завелась...

Клавдий. Конечно... Дело уж сделано. Ах, Катерина, я, конечно, не стою Сонечки, но все-таки она чужая...

Катерина. Сроднитесь, муж да жена на одной полочке. Вам страшно, а девке-то каково?

Клавдий. Никому не говори – не такую надо мне жену...

Катерина. Действительно, чересчур легка... Ну, покормите – потолстеет. Гуся и того раскормить можно, а уж я постараюсь. Приезжая-то повиднее...

Клавдий. А ты видела ее, разговаривала?

Катерина. В чемодане у нее две рубашки, юбочка и полдюжины платков, больше ничего не нашла – бедная она, нищая...

Клавдий. А говорила?... о чем?

Катерина. Говорить не говорила, а вот когда спать она ложилась – я посмотрела в щель...

Клавдий. Разве можно подглядывать.

Катерина. А на случай, может она какая кривобокая...
А у нее бочки, сударь мой, как яблочки.

Клавдий (*затыкает уши*). И слушать тебя не хочу... Ты всегда неприличное...

Катерина. Совестьливый... Мы, женщины, на том и стоим, чтобы пряменькая была...

Клавдий. Лицо какое?

Катерина. Лицо аккуратное...

Клавдий. А волосы?

Катерина. Волосы рыжеватенькие, черные... Сокол, тебе-то на что?..

Клавдий. Я просто так... (*Ходит по площадке.*) Слушай, будто птица вспорхнула... Или это приезжая во сне? Может быть, ей сон плохой снится? Или ты низко подушки постелила? А кваску поставила? Взглянуть бы надо, – ведь гостья... Нехорошо гостей дурно принимать... Так и есть: у нее свеча горит... (*Приближается к двери.*) Подсматривать очень дурно, ты никогда этого, Катерина, не делай... Вдруг взглянешь, а оттуда на тебя глаз глядит... А вдруг, я говорю, какое

несчастье... Я, как хозяин, должен... Это уж прямо вежливость... *(Наклоняется, глядит в щель.)* Ах!

Катерина *(хватает Клавдия, уводит от двери к лестнице)*. Стыд, бесстыдники!.. Идите, идите наверх... Вот завтра теще все доложу... К девице подглядывает... А может, она как раз блох ищет.

Клавдий. Иду, иду, не кричи... Не толкайся, что ты так больно толкаешься...

Катерина. Еще сильнее толкну!

Клавдий ушел. Катерина сходит вниз. В кустах появляется Нил.

Нил, а Нил, что скажу-то...

Нил. Всенародно объявляю, с вами в одном доме спать не лягу, ни за что! *(Идет.)*

Катерина *(спешит за ним)*. Не беги, постой, Нил! Где ты меня такую нашел... *(Убегает за ним.)*

Сонечка *(появляется из сада)*. Кажется, яснее ясного – пожалуйста, не ходите за мной...

Артамон *(вслед за ней)*. Клянусь тебе нашим чувством, она, разумеется, влюблена, но я один раз пошутил только, кажется, поцеловал...

Сонечка. Ах, вот как, поцеловал? Продолжайте, это очень забавно.

Артамон. Я люблю тебя, я жить без тебя не могу... Милая, клянусь!.. Я виноват перед тобой... Ведь то было слишком давно...

Сонечка. Ах, сегодня...

Артамон. Ничего сегодня не было... Последний раз, два года назад, мы встретились в Москве, в Царицынском парке. Она ревела, навязывалась мне, но я оказался непреклонным... Я всегда мечтал, что встречу такую, как ты... очаровательную...

Нина во время этого разговора приотворяет дверь, смотрит и слушает.

Я отогнал ее, как надоедливую муху. И вдруг сегодня, в лесу, неожиданно встречаемся. Она вспоминает такую же осень в Царицыне, чуть не плачет, расстраивается – и хлоп мне на шею... Что я поделаю – оттолкнуть, расхохотаться?.. Я растерялся, нечаянно наши губы прикоснулись... Мне почудилось, что это твои поцелуи... Она говорит: приходи вечером в сад; я отвечаю: хорошо, приду... Нарочно удираю в деревню и опаздываю, уверенный – эта курица наконец поймет... Сжался, Соня!

Сонечка. Ах, если бы все это было так...

Артамон. Подумай – завтра обручение, потом свадьба, – нам совсем нет времени еще ссориться...

Сонечка. Она так ждала тебя! Обозлилась... Наговорила мне дерзостей... Удивляюсь, как такие могут нравиться мужчинам.

Артамон. Она уверена, что в нее можно влюбиться сразу, а все над ней смеются...

Сонечка. Все-таки я тебе не верю...

Артамон. Милая крошка... Я твой на всю жизнь... Ты пойми – Марья Уваровна выдаст тебя за кого угодно, только не за меня, – это вопрос решенный... Клавдий же Петрович даже не знает, блондинка ты или брюнетка...

Оба смеются.

Он нам не помешает; даже приятней и любить и немножко обманывать...

Сонечка. А вдруг он мне понравится...

Артамон. Никогда... Ах, вот что... Вы бы раньше мне это сказали...

Сонечка. Милый, не сердись, я нарочно...

Артамон. Об этом не говорят нарочно. Вы меня обманываете...

Сонечка. Ведь это я на тебя обиделась. Это ты должен прощения просить... Душка...

Артамон. Вы ему тоже говорите – душка...

Сонечка. Честное слово, еще ни разу... Фу, глаза какие – гвоздиками... Перестань... Вот тебе щечка...

Артамон. Мне щечки мало...

Сонечка. Вот тебе губы. *(Целует.)*

Артамон. Радость моя... Я с ума сойду...

Сонечка. Что ты, что ты...

*Артамон обнимает ее. **Нина** выбегает из двери, не в силах удержат крика. Наверху раскрывается окно, выглядывает **Квашнева**, видит окаменевших от страха влюбленных.*

Нина. Лжет, лжет, лжет...

Квашнева. Влопались! Пропала моя голова! (*Скрывается.*)

Влюбленные разбежались в разные стороны.

Клавдий (*входя*). Что случилось? Нина, Нина!

Нина. Он лжет, уведите меня, спрячьте меня... (*Рыдает.*)

Клавдий (*обхватывает ее, ведет на лестницу*). Не волнуйтесь, не плачьте... пойдете... пойдете...

Когда они вошли на балкон, из дома ворвалась Квашнева.

Квашнева. Оставь эту гадину! Это она все намутила... Клянусь тебе, Клавдий, Софья его в темноте за тебя приняла... Тебе говорят – эта последняя дрянь, она всему причиной...

Клавдий. Не трогайте, не хватайте руками...

Квашнева (*Нине*). А ты, змея, на чужого жениха не лезь. Вон отсюда сию минуту... вон на конюшню... Я тебя на водовозной бочке велю увезти...

Нина. Не трогайте меня!

Клавдий (*Квашневой*). Ах вы... что вы... (*Поднимает руку.*)

Квашнева. Батюшки!.. Убивец!..

Клавдий. Вот я вас всех...

Квашнева (*попяtilась и побежала с лестницы*). Народ! убили... (*Бежит в кусты.*) Ай, ай!

Клавдий. Они меня довели... Простите меня... Для вас что-нибудь невозможное сделать хочется... Оттого так рас-

кричался...

Нина. Я плохо поступила...

Клавдий. Все хорошо... Это они... я им еще выговорю. Пойдемте в кабинет... Там никто не тронет...

Уходят.

Нил (*выбегает из-за кустов*). Вот, выкуси! Так я тебе и попался... Откуда у нее прыть взялась... По аршину сигаает, проклятая, и при этом так смеется – мороз меня продрал.

Из кустов ворочается Квашнева.

Нет, нет, Катерина Ивановна, лучше не подходите, у меня кирпич!

Квашнева (*выходит*). Батюшки мои, что делать... Нил...

Нил. Что случилось, Марья Уваровна?

Квашнева. Клавдий Петрович спятил... Беги на конюшню да пошли трех верховых... Сейчас записки напишу... Первым делом, послать к Вадиму Вадимычу Тараканову. Потом за дядьями – за Носакиным и Кобелевым... беги, беги...

Нил. Позвольте, доведу!..

Квашнева. Оставь, не пойду я в дом, – боюсь, убьет.

Нил уходит.

Я на тебя, изверг, нажалуюсь. Мошенник, по кустам, как солдат, бегаешь. Да что же это за дети пошли!

Занавес

Действие четвертое

Позднее утро. Обстановка второго акта. Все шторы спущены; в столовой светло, кипит самовар. За столом сидит Квашнева, пьет чай; рядом с ней Сонечка. Нил протирает чашки.

Квашнева. Так и не спал?

Нил. Всю ночь не спал, на ларе сидел около кабинета.

Квашнева. Значит, шельма в кабинете дрыхнет.

Нил. Да.

Квашнева. Фу, чай какой у вас противный.

Нил. Не знаю, чем противный у нас чай.

Квашнева. Верховые давно вернулись?

Нил. Часа два, как вернулись.

Квашнева. Что же Тараканов сказал верховому?

Нил. Сказал, что к обеду приедет; скоро быть должен.

Квашнева. А дядя что сказали?

Нил. Да ведь я вам уж докладывал.

Квашнева. И двадцать раз спрошу – двадцать раз ответишь.

Нил. Не угодно ли котлет холодненьких; горячего не варили, Катерина совсем плоха...

Квашнева. Давай попробуем котлет... (*Пробует.*) Противно, не хочу... Живописец скоро придет?

Нил. Живописец на кухне дожидается.

Квашнева. Так беги позови его.

Нил уходит.

А ты чего уткнулась, подними голову, рёва-корова.

Сонечка (*поднимает голову*). Уедемте отсюда, мамаша.

Квашнева. Я тебя непременно отколочу, пока ты еще не барыня... (*Идет в залу, поднимает штору.*) Молчи лучше. Что прикажу, то и сделаешь...

Сонечка заплакала.

Перестань реветь, сейчас тебя живописец писать будет (*Из-за шкафа вытаскивает портрет.*) Действительно, с этой шельмой большое сходство. (*Соне.*) Покажи-ка нос. Ну откуда у тебя такой нос противный?.. Кажется, у нас в роду все носы были, как носы, а у тебя – кверху... Уж не в дедушку ли Африкана пошла... Он раз по комоду носом проехался, так всегда и жил с изъязном... Поди сюда, сядь...

Сонечка идет, садится у окна.

Слушай... Вы сколько раз поцеловались?

Сонечка. Мама!..

Квашнева. Отвечай! Мне нужно, коли спрашиваю.

Сонечка. Несколько раз, не помню...

Квашнева. А говорили громко или тихо?

Сонечка. Тихонько, да...

Квашнева. Ну, значит, он и половину не слышал... Только бы шельма ему всего не рассказала. Я дело поверну умно.

С подносом входит Нил.

Нил. Пришел живописец...

Квашнева. Подавай его сюда...

Живописец входит из столовой в залу и кланяется.

Квашнева. Ты кто такой?

Живописец. Дворянин.

Квашнева. Ах, несчастный! До петухов напились, я чай...

Живописец. Это вас решительно не касается.

Квашнева. А вы, может, совсем не живописец?

Живописец. Любимый ученик Маковского...

Квашнева. Кого? Ну, да мне все равно... мазать-то умеете?

Живописец. Учитель всегда говорил – ты, брат, талантище.

Квашнева. Так и сказал?

Живописец. Да, так и сказал. В тебе, говорит, в одном, братец, гордость наша, надежда. Силища. Нутро...

Квашнева. Как же вам не стыдно довести себя до такого безобразного вида?

Живописец. Изучение бытового жанра привело меня в настоящий вид. Послан Константином Маковским изучать быт, так сказать, на лоно. Пылкость природы и художественный темперамент позволил мне проникнуть в суть жанра глубже других... изучаю самое нутро...

Квашнева. Мы, батюшка, не виноваты, не рычите басом.

Живописец. Вы толпа, вы требуете от артиста красивых ботинок, а до искусства какое вам дело!

Квашнева. Не требую, я с просьбой...

Живописец. Ну, это дело другое, – просите...

Квашнева. Вот портрет... *(Показывает.)*

Живописец. Кисть недурна; помыть, что ли, надо, или копию?

Квашнева. Вот моя дочь...

Сонечка. Здравствуйте...

Живописец. Сударыня, извиняюсь, проклятая рассеянность; ведь хотел надеть фрак и забыл. Однажды я вот так же в общество пришел, извините, совсем раздет...

Квашнева. Ну, ладно, глядите сюда. Устроить надо так, чтобы портрет остался таким же самым, но сделался похож на мою дочь. Можете исхитриться?

Живописец. Носы не те.

Квашнева. Кабы не носы, не позвала бы. А вы уж как-нибудь устройте, на то, сударь, и художеству учились. Заплачу.

Живописец. Деньги, ха-ха... Пожалуй, можно запустить тень под носом... *(Соне.)* Повернитесь-ка. Сделаю; через месяц.

Квашнева. Ах, мошенник! Виновата, простите... Нам сегодня понадобится, через час.

Живописец. А искусство?

Квашнева. Какое там искусство. Мой Ванюшка, пастух, в два дня целый забор выкрасил вохрой. Идите, а то ведь я добра, добра, да и рассержусь.

Живописец. Маляр!

Уходит с Сонечкой, унося портрет.

Квашнева. Нил!

Нил появляется на лестнице.

Позови Артамона Васильевича...

Нил уходит.

Ну, Клавдий Петрович, побушевал – теперь будет! Шелковым станешь, как угодно согну.

Входит Артамон.

Ну?

Артамон разводит руками.

Квашнева (*встает и угрожающе приближается к Артамону, который пятится*). Ну?

Артамон. Ничего. Виноват.

Квашнева. Нил, принеси чернил и бумаги. Садись. (*Показывает на стул.*)

Артамон садится.

Пиши: «Обожаемая Нина».

Артамон. Как?

Квашнева. Пиши, что говорят... Хуже будет...

Артамон. Марья Уваровна, я дворянин, я человек свободный, я не позволю издеваться... Вы меня с кучерами по саду ловите; я домой поеду...

Квашнева. Пиши: «Если ты можешь, прости меня...» Дома тебе жрать нечего, я знаю... «Я терплю глубочайшие страдания». Глубочайшие зачеркни. «Мой поступок не имеет названия, он подлый...»

Артамон. Может, это не писать?

Квашнева. «Он подлый и гнусный, но все же я люблю одну тебя».

Артамон. «Люблю одну тебя».

Квашнева. «Я молод и глуп».

Артамон. Так...

В правую дверь стучат; слышны шаги и голос Клавдия.

Квашнева. Собирай, собирай бумагу, внизу допишем...
(*Хватает Артамона за рукав, тянет к столовой.*) Скорее ты поворачивайся, все дело погубишь.

Они уходят через столовую. Клавдий высовывает голову.

Клавдий. Нил! Где ты? Нил, отчего тебя не дозовешься? Иди! (*Клавдий идет в столовую.*) Нил, куда же ты провалился?

Голос Нила. Иду-с! (*Появляется.*)

Клавдий. Поддай мне таз, кувшин и полотенце.

Нил уходит. Клавдий сходит в залу.

Проснулась, попросила воды... В кувшин необходимо налить розового масла, так делается. Вот только у нас нет ничего. Я всегда говорил – необходимо делать запасы... (*Поднимает еще итору.*) Изумительное утро. А ведь, пожалуй, поздно. (*Глядит на стенные часы.*) Полдень. Как она хорошо заспалась... Как вообще все хорошо...

Входит Нил с тазом и проч.

Нил. В кабинет отнести?

Клавдий. Я сам отнесу, не ходи за мной. (*В дверях.*) Ну

что, ты рад?

Нил. Радуюсь, Клавдий Петрович!

Клавдий. То-то! *(Уходит.)*

Нил. Пустяки одни... Ерунда, какой еще никогда не было. Ведь это прямо сражение. А кому попадет? кто со страху и нашим и вашим – Нилу.

Клавдий *(возвращается)*. Отворила дверь, просунула ручки и взяла. Я спросил: хотите чаю? Ответила – пожалуйста! Грустно так. Ничего, я все устрою. *(Задумался.)* А что Марья Уваровна?

Нил. Марья Уваровна действует.

Клавдий. Ей все объясню... Знаешь, Нил, я ночь не спал, и теперь еще многое точно туманом подернуто – ужасно приятно; главное – страшная радость... Так и подмывает рассмеяться. *(Смеется.)* Ты меня не разочаровывай, пожалуйста. Чай-то, чай надо приготовить. Вот здесь. *(Ставит столик у окна, накрывает.)* Принеси две чашки получше. Только подумай, я всегда здесь один сидел, мечтал об ней, и вдруг сидим вдвоем, пьем чай, друг на дружку смотрим... Это гораздо лучше снов. Эту ночь я прямо уснуть боялся, чтобы опять не увидеть себя одиноким.

Нил *(вздыхает)*. Клавдий Петрович!

Клавдий. Нет, нет, замолчи, не омрачай... *(Прислушивается.)* Идет, кажется. Ты слышишь, как платье шумит. Уйди, уйди...

Нил *уходит. Клавдий подбегает к двери, растворяет.*

Входит Нина.

С добрым утром...

Нина. Я заспалась, извините меня.

Клавдий. Спите на здоровье... Я люблю, когда спят. Сюда, сюда. *(Показывает на столик, бежит в столовую за чашем.)* Вот, смотрите, какие хорошенькие чашки...

Нина. В самом деле хорошенькие.

Клавдий. Чаю вам налью. Я люблю, когда спят, потому что во сне живется лучше. Если сон плохой – я помню, что это сон, а если хороший – приятно. Правда, чай хорошо пахнет? Можно сесть?

Нина. Боже мой, почему вы такой странный?

Клавдий *(садится, смотрит на Нину).* Вот дождался вас; удивительно...

Нина. Вы меня где-нибудь видели?

Клавдий. Еще бы...

Нина. В Москве я часто бывала в театре и на концертах...

Клавдий. Как странно – вы жили, ходили в театр, а я не знал, думал, что одинок; не стоит теперь об этом.

Нина. Может быть, в поезде?.. У меня очень плохая память.

Клавдий. В каком поезде? Какое у вас пятнышко на губе: Нина Александровна, не очень сердитесь, я, бывало, закрою глаза и сейчас увижу это пятнышко, потом и весь рот, серьезный, ласковый, и лицо все чудесное... Уткнусь, бывало, и лежу, красный...

Нина. Где мы встречались?

Клавдий. Нигде... Вот жалко, пропал портрет... (*Оглядывается.*)

Нина. Ах, вот вы о чем, понимаю...

Клавдий. Бог с ним, теперь не нужно. Правда? У нас в доме много портретов – посмотрите, все такие рожи, и между ними был один – чудесный, как вы сейчас. Я по целым часам глядел на него.

Нина. Он был похож на меня, странно...

Клавдий. Я видел его во сне, разговаривал с ним и наконец поверил – настанет время и та, что была написана, о ком я думал, придет живая... Но вот портрет пропал, я страшно взволновался... и вы пришли. (*Встает и ходит.*) Я ждал тридцать лет...

Нина. Ах вы бедный!

В столовой голоса Квашневой и Нила.

Клавдий. Нет, я не бедный!.. (*Вздрыгнул.*) Нельзя, нельзя! (*Бежит к лестнице.*) Нил! Нил!

Нил появляется.

Никого не смей пускать... Кто здесь хозяин?

Нил. Я и то не пускаю... Вот барышне письмо передать приказали. (*Подает письмо.*)

Клавдий. От кого? Какое письмо?

Нил. Не могу знать, Марья Уваровна передала... Чистое наказание! (*Уходит.*)

Клавдий (*дает письмо Нине*). Прочтите.

Нина (*видит почерк на конверте и бросает письмо на стол*). Ах, все тоже... Клавдий Петрович, дайте мне экипаж, я должна ехать...

Клавдий. Куда?

Нина. Я хотела застраховать ваше имение... Вам это необходимо, а мне было бы очень выгодно... Но из-за меня столько неприятностей... здесь... Очень тяжело еще по некоторой причине... Я поеду... А как-нибудь через месяц, вы обещаетесь, и застрахуете. Хорошо?

Клавдий. Путается чего-то у меня... Вот что – я махну платком, если воробьи улетят с куста – значит это не сон. (*Машет в окно.*) Кш... Правда... Нина! Я не могу отпустить вас... Скажите: для чего вам нужно ехать?

Нина. Мне кажется, вы действительно честный, очень чистый, но ужасный чудака...

Клавдий. Все равно.

Нина. А я могла бы понять по-другому ваши поступки...

Клавдий. По-какому по-другому?.. Что вы подумали? Боже мой! Вы не мое воображение. Вы сами по себе, вы думаете по-своему, живете самостоятельно, вы чужая...

Нина. Слава богу, наконец поняли...

Клавдий. Кем вы были прежде? Намекните только, остальное постараюсь представить.

Нина. Зачем? Вам неинтересно.

Клавдий. Но я прошу вас...

Нина. И рассказывать-то не о чем. Родилась в Москве,

фамилия моя Степанова... С девятнадцати лет сама зарабатываю хлеб, очень глупым и невыгодным способом, который почему-то называется честной работой... Два раза болела тифом... А сколько раз влюблена была – не помню...

Клавдий. Влюблена?

Нина. Теперь, конечно, и не влюбленность, а злость к вам, мужчинам... Еще лет десять проживу, потом решительно стану никому не нужной... Я вас, мужчин, и не виню; женщина по-другому устроена: в известное время хочется и дома и детей...

Клавдий. Какое несчастье, какое ужасное несчастье...

Нина. Вот видите, Клавдий Петрович, невеста у вас хорошенькая; право же, не следует ухаживать за посторонней женщиной, хотя бы и с очень смутными намерениями... Помириться с Квашневой, простите вашу невесту... Она мало виновата, приберите к рукам вашу фантазию, расстроенное воображение... а я уеду...

Клавдий. Трудно все понять; но будто завеса упала: у меня хватит силы, уж чувствую... Скажите, кого любили?

Нина. Право же, не стоит, нелюбопытно...

Клавдий. За руку его держали?

Нина. Держала, я думаю, не помню...

Клавдий. И целовали?

Нина (*резко*). Да, и целовала...

Клавдий. Он не умер от этого?

Нина (*засмеялась так же резко*). Он-то перенес отлич-

НО...

Клавдий. Кто он?

Нина. Боже мой, их много было...

Клавдий. Главный?

Нина. Артамон Васильевич Красновский.

Клавдий. А...

Нина. Довольны? Что еще нужно? Спросите?.. Может, подробности нужны?

Клавдий. Подождите, Нина Александровна, я пойму, я много могу понять... Я к страданию привык. Мне тяжело от того, что я думал – вы без прошлого... Но от этого вы станете еще милей мне... Теперь я будто касаюсь вас сердцем. Я никого еще не любил, никого не целовал... Это грешно... Нина! Я не оскорбить вас хочу, а милости жду. Не отталкивайте, если очень противен – закройте глаза. Все для вас, все ваше, вы краешком только подумайте обо мне, сердце у вас доброе, нежное, женское... *(Кладет ей голову на колени.)* Люблю... вас...

Нина *(вставая и осторожно отстраняя Клавдия).* Я верю, верю... *(Берет письмо.)* А вот вам другое признание... *(Разрывает конверт, читает. Дает Клавдию.)* Прочтите...

Клавдий *(читает).* Просит прощения, умоляет опять прийти на свидание в сад... Нельзя любить сразу двух. Это ложь...

Нина. Да, ложь...

Клавдий. Он оскорбил вас, он обидел жестоко... Он

негодяй... Я его уничтожу...

Нина. Поняли наконец?

Клавдий. Нина, а вы?

Нина. Влюблена, конечно... Обидчик мой, а люблю – странно?

Клавдий. Странно очень. Что же будет... Пойдете?

Нина. Захочется в подлости выкупаться – пойду... А может быть, не пойду... Характер испорченный у меня. И вам, Клавдий Петрович, нехорошо за мной ухаживать. Вы чистый, невинный, мечтатель, высокой души...

Клавдий. Не слушаю, я не слушаю.

Нина. От комплиментов краснеете. Жизнь у вас особенная. И жену вам нужно особенную, такую же, без прошлого.

Клавдий. Нет, нет.

Нина. А я измученная, с ущемленным самолюбием, если полюблю – со зла; на свидание побегу – тоже со зла, а любовнику – сама не знаю – поцелуй подарю или пощечину – что хватит силы...

Клавдий (*после молчания*). Нина! Оставайтесь, все равно... (*Идет за ней.*) Нина!

Нина. Что?

Клавдий. Не любите?

Нина. Нет...

Клавдий. Не останетесь?

Нина. Нет...

Клавдий. Не хотите подумать?

Нина. Нет.

Клавдий. Я умру тогда...

Нина. Нет... не умрете...

Голос Квашневой. Пусти меня, идол, не хватай за руки!

Голос Нила. Вы сами хватаете, я, чай, не деревянный.

Барин не велел пускать.

Голос Квашневой. Тогда я и барина твоего поколочу.

Нина. Вот вам развязка. Прощайте. *(Идет к двери.)*

Клавдий. Нина, Нина!

Нина *(остановилась в дверях).* До свидания. *(Ушла.)*

Клавдий кинулся за ней, но дверь замкнулась.

Квашнева *(врываясь через столовую).* Что, дождался?

Вадим Вадимыч Тараканов приехал.

Клавдий. Пропал! Пропал я совсем! *(Замахал руками.)*

В столовой слышны грузные шаги. Появляется Тараканов, вид у него внушительный. Клавдий в отчаянии. Квашнева кланяется вошедшему, потом руки у нее лезут в бока, и она оглядывается на Клавдия.

Тараканов *(сходит вниз).* Вот и я...

Квашнева. Здравствуй, родной мой, рассказать не могу, как я благодарна...

Тараканов. Чего там... Ну, ну, ты чего тут натворил?

Клавдий. Я ничего не натворил, ни в чем не виноват.

Квашнева. Как не виноват?

Тараканов. Разберу, не горячись. *(Садится.)* Садись, Маша... А ты постой там.

Квашнева. Я, чай, умаялся, Вадим Вадимыч. Ведь двадцать пять верст по таким дорогам. Потерпи, батюшка, дело важное, – один ты и судья и расправщик...

Тараканов. Ну?

Квашнева. Письмо-то мое прочел? Нарочно я все отписала, чтобы рассудил по дороге. Скажи – тяжело это?..

Тараканов. Тяжко...

Квашнева. Как пожелаешь, батюшка, сейчас ли судить, или когда дядья приедут?.. Подумай...

Тараканов (*думает*). Капель...

Квашнева. Нил, водки, скорей!

Нил появляется с подносом.

Тараканов (*глядя на Нила*). Отчего ты лохматый?

Нил. Меня, ваше высокородие, вот они причесали...

Квашнева. За дело... Такой стал невежа... Поди вон.

Нил уходит.

Тараканов (*молча поколыхался от смеха*). Причесала!

Квашнева. Такие дела, такие мерзкие дела, Вадим Вадимыч, в мемуары описать, ни за что не поверят... (*Повернувшись к Клавдию.*) Скажи на милость, Клавдий, женщина я или нет? Хотя бы я и не женщина была – все равно, я твоя тетка... (*Тараканову.*) А он по мне кулаками колотил, как по барабану...

Клавдий. Неправда...

Тараканов. Где же у тебя барабан?

Квашнева. По всем местам колотил. Мало ему показ-

лось – отдал приказ меня в комнату не пускать, ломать руки... Хорошо, что я догадалась – схватила Нилку сама, – без рук бы осталась при своей рыхлости...

Клавдий. И это неверно...

Тараканов (*Клавдию*). Подойди! (*Поднимается, наводя страх.*) Сейчас, я тебя... (*Ничего не сделав, садится.*) Потом, отойди...

Клавдий отходит.

Квашнева. Все это, отец мой, терпимо... Одного не могу снести – вчера за ужином подали шампанское, пили за здоровье жениха и невесты, и вдруг такой пассаж!.. Девушка-невеста в доме, а он, невзирая ни на что, эту шельму в кабинет привел...

Клавдий. Эх вы...

Тараканов (*Клавдию*). Ты что... порядку не знаешь?

Клавдий. Пусть до конца говорит, потом я...

Квашнева. Видел? Ответить нечего... Уселся с этой дрянью вот здесь чай пить, и то она, то он высунутым языком дразнят. Софьюшка до сих пор слезами ревет.

Клавдий. У вас бред, Марья Уваровна.

Квашнева. Это ты бредишь, у тебя и глаза мутные.

Тараканов. Действительно, дело серьезное... Погодите тарантить... Разберусь, подумаю... Капель!

Квашнева. Нил!

Нил (*входит с подносом*). Дядья приехали... (*Уходит.*)

Квашнева. Батюшки! Где у меня Софья – встретить

некому... (*Бежит к выходу.*) Сейчас, сейчас! (*Ушла.*)

Тараканов (*Клавдию*). Как же ты это... сдрейфил?

Клавдий. Дядюшка, я никому не хочу зла; просто очень тяжело. Жизнь вдруг стала важной и сложной, а заставляют жениться... Пожалейте меня, отпустите...

Тараканов. Я холостой, и ты холостой, нехорошо... ты в роду последний, над собой права не имеешь...

Клавдий. Нет, имею...

Тараканов. А я говорю – нет...

Входят Носакин, Фока и Кобелев.

Носакин. Ну вот – ехали, ехали и доехали... (*Сыну.*) Фока, улыбнись Вадиму Вадимычу. Как ваш желудок?

Тараканов. С желудком швах. Что не заедешь?

Носакин. Фоку не могу ни на минуту с глаз спустить...
А везти к вам опасно...

Тараканов. Привози, ничего... (*Кобелеву.*) Ну, а как ты?

Носакин подходит к Клавдию.

Кобелев. Я прямо с веялки, нашу управскую выписал, отлично работает... даже не успел помыться... Что – опять неприятности?

Тараканов. Клавдия и Соньку на смычок... норову много; Квашнева одна не сладит.

Кобелев. Та, та, та! Женить его, женить!.. (*Наклоняется к уху.*) А знаешь, из-за чего все это?

Носакин (*Клавдию*). Что грустен, родной? Все думаешь?

Клавдий. Все думаю.

Носакин. Счастливые не думают. А ты ценишь ли свое счастье как надо?

Клавдий. Я рад вас видеть...

Носакин. Это что за новая мода... Откуда «вы»? «Ты», кажется, всегда было. Ах ты, забывчивый!

Клавдий. Спасибо. Ты вникни... Я расскажу подробно... Началось это... Идем к окну...

Идут. Клавдий рассказывает.

Кобелев (Тараканову). Уверяю тебя – и ко мне заезжала... Страховой агент, и препикантна...

Тараканов. Призвать надо... Погляжу. Пикантна, говоришь?

Кобелев. Из-за чего бы Клавдий на стену полез?

Тараканов. Да... Зря не полезет.

Кобелев. Приезжает ко мне под вечер, дождик страшный... Я ведь на холостом положении; думал, думал – оставил ночевать, а сам глаз не могу сомкнуть. Понимаешь, в ней есть что-то такое... Вышел со свечкой в коридор, дверь у нее открыта, она спит на кровати... Ну, что бы ты сделал? Честное слово даю – не струсил, но вернулся... Ведь я грязен, топ шер, как помазок, – весь день верчусь: то в амбары, то на скотный; послушал бы, как я с мужиками ругаюсь... Прибежал к себе, взялся вот так... и час проклял, когда управляющего прогнал... Ведь не брать же мне ванну среди ночи!

Тараканов. Компрометируешь сословие, возьми управляющего...

Кобелев. Ах, не расстраивай, mon cher.

Входит Квашнева, ставит портрет к стене, здоровается.

Носакин. Добрейшая Марья Уваровна, ручки, ручки, позвольте. А вот мой Фока.

Фока кланяется.

Квашнева. Какой балбес вырос.

Фока (*угрожающе*). Папаша!

Носакин. Молчи, терпи, Фока...

Квашнева (*Кобелеву*). Ну, спасибо, спасибо, что приехал.

Кобелев. Прямо от веялки оторвали, матушка; не пеняй, если грязен.

Квашнева. И верно. В бороде целый ворох... Ну, все равно, поцелуемся. Что жена?

Кобелев. Телеграфирует из Парижа: «Сезон начался – вышли тысячу». А у меня хлеб не продан...

Квашнева. И нипочем не высылай. Вернется.

Кобелев. Сохрани Бог...

Тараканов. Капель!..

Квашнева. Нил, водки! Господа, садитесь... Вадим Вадимыч, садитесь... Просила я вас приехать для того, чтобы рассудить меня с племянником моим, Клавдием Петровичем. Записки мои прочли, с делом ознакомились, жених перед вами, – что думаете, говорите...

Носакин. Я скажу... Клавдий мне растолковал. Я вот как

рассуждаю: Софьюшка, Марьи Уваровны дочь, девица отменная, и я бы за счастье почел быть ее свекором... Ведь Фока мой – поглядите на него – учиться нипочем не хочет, только дерется со всеми да грубит, силы у него неестественно много. В Симбирске, например, повыдергал на бульваре все скамейки с корнем.

Квашнева. Ты на другое сбился, Алексей Алексеевич, о Фоке не горюй, за него всякая дура пойдет...

Носакин. То-то, что не всякая, страшен очень... Как ухватит предмет тяжелый – так душа у меня вон со страху.

Фока. Не срамите, папаша, я уйду.

Носакин. Фока, сиди, пожалуйста. Я вот к чему: думает и думает Фока мой о Софьюшке; сегодня как узнал про ее обручение – ухватил угол на крыльце, да так все и своротил на сторону. Поэтому я рассудил – Клавдий, если отказывается, имеет резон, принимая в расчет наше с Фокой счастье. Бобылями ведь живем.

Клавдий. Конечно... Не понимаю, чем я лучше Фоки? Если он так чувствительно любит, я не хочу мешать его счастью.

Квашнева. Фоку боюсь и дочь за него не отдам... Разговор кончен.

Тараканов. Резонно!

Кобелев. Действительно, Алексей Алексеевич, ты немного не на тему. Я только что высказал Вадиму Вадимычу мое мнение. Так. Женщина, господа, должна быть рав-

ноправна – это триумф. Всеобщий конституционный строй, небывалый подъем техники, движение суфражисток...

Квашнева. Понес!

Кобелев. И цетера, и цетера... все в сумме ведет к тому, чтобы женщина высоко подняла знамя своих прав.

Тараканов. Ты тово...

Носакин. Говорит, как... на прошлом собрании плакали...

Кобелев. Итак, мы имеем случай: девушка без средств, без имени, без положения, смело бросается в волны жизни. Кроме обычных препятствий, для нее возникает еще новое одно – это мужчины... Мужчина, который не верит, который подмигивает... который готов на всякий скверный анекдот...

Квашнева. Батюшки, она и его околпачила... Да ты знаешь ли, что она боится-то?

Кобелев. Подождите, господа! Женщина страхового агента – это сильно... При этом привлекательна, умна, молода... И вот скучающий помещик, который не умеет сам себе изжарить яичницу, – он, встретив молодую, кипучую энергию, понятно и законно увлекается, – она – откровение...

Тараканов. Не таранти...

Квашнева (*Носакину на Кобелева*). Как начнет говорить, так и потопит...

Носакин. Соловей...

Кобелев. С другой стороны, Марья Уваровна, вы прости-

те меня, эта часть речи немного щекотлива...

Квашнева. Уж ври до конца.

Кобелев. Помня ваш дружеский совет о моей жене, позволяю себе быть откровенным. Господа, Сонечка – еще дитя, но женщина...

Квашнева. Как женщина? Кто тебе сказал?

Кобелев. А, боже мой, я говорю о поле... И мы, господа, не знаем ее симпатий. Мы помним только, что этот брак желателен Марье Уваровне...

Квашнева. Ошельмовал! Зачем же я тебя позвала тогда?

Кобелев. Я не могу говорить, когда обостряются личные интересы... Мое резюме – спросите их, они вернее сами себя рассудят. *(Сел.)*

Тараканов. Ты знаешь, тово... неблагонадежный...

Носакин. Ни к чему свел, вот всегда так...

Клавдий. Теперь можно мне?

Квашнева. Не позволяй, Вадим Вадимыч, я теперь должна обелиться.

Тараканов. Сама позвала, не пеняй... Клавдий, скажи, да покороче...

Кобелев *(Носакину)*. Я всегда за молодежь.

Носакин. Эх, молодежь! *(На Фоку.)* Вот она, молодежь, стоит – орясина!

Фока. Папаша!

Клавдий. У меня никогда не было секретов, но я молчал оттого, что жил до сегодняшнего дня как во сне. Сегодня

совершилось необыкновенное – я проснулся...

Тараканов. Это я, брат, каждый день делаю.

Клавдий. Я полюбил женщину. Она отказалась от моей любви... Что будет – не знаю.

Тараканов. Отказалась – и слава богу. Значит, дело просто.

Клавдий. Это ничего не значит. Жить, как раньше, я не могу, я полюбил...

Квашнева. Объясни ему наконец, Вадим Вадимыч...

Клавдий. Вы ее совсем не знаете, Марья Уваровна, и не вам... судить... Она необыкновенная...

Кобелев. Я говорил...

Клавдий. Но все равно, кто бы ни была она... Я ждал ее всю жизнь. Она пришла, и я полюбил... Все изменилось, все стало прекрасным... Вы знаете чувство, когда проснешься в солнечное утро...

Тараканов. Постой, постой... Как ты ее ждал? Ждут, брат, знакомых...

Клавдий. У меня висел портрет, такой похожий, будто с нее и списан...

Квашнева (*бежит к портрету*). Этого я и ждала! Врешь ты, любезный друг. Портрет такой действительно есть, писан с его троюродной прабабки, Квашневой, с моей родной бабушки, и похож, как две капли, на дочь Софью.

Клавдий. Неправда.

Квашнева. А вот мы посмотрим, правда или неправда!

(Показывает портрет.)

Клавдий. Я плохо вижу, что с ним...

Квашнева. То-то, что с ним. На кого похож? Ну?

Носакин. Действительно, будто на кого-то похож.

Клавдий. И то, и не то.

Тараканов. Нос замазан...

Квашнева. Какой нос, что нос, премилый нос...

Клавдий. Не спал всю ночь и смутно вижу...

Квашнева. Как хочешь глаза продирай – Софья, вылитая Софья. Господа, я его как стеклышко вижу. Клавдий против совести не пойдет. Вчера вечером Софья моя беседовала с Артамоном Красновским в саду, и нахал этот возьми да и облапь ее у Клавдия на глазах! А страховая-то эта тоже видела, вылетела бомбой, шельма, на шею ему кинулась, и он ее в кабинет... Ну, а уж потом, с нашим-то благородством, – коли согрешил, так женись.

Клавдий. Марья Уваровна, я очень сдержанный, но за себя не отвечаю. Не смейте так говорить про чистую женщину.

(Наступает.)

Квашнева. Ай, ай, ай! Озверел, держите его... *(Отступает за кресло.)*

Клавдий. Все равно... Я не позволю... *(Наступает.)*

Носакин *(прячется за Фоку).* Стой, не вертись, Фока...

Кобелев. Моп шерг, перестань, ты смешон.

Клавдий доходит до Тараканова, который схватывает его и сажает в кресло.

Тараканов. Садись...

Клавдий. Дядюшка, мне нельзя мешать...

Тараканов. Слушай мое решение. Марья, сходи за дочерью.

Квашнева уходит.

Кобелев. Простите, господа. Я уезжаю. Мне просто неприятны эти эксцессы... Вы как-нибудь разберетесь... Да, Клавдий, пожалуйста, передай этой барышне мою просьбу заехать в Отрадное, я хочу застраховать постройки. До свидания. *(Уходит.)*

Тараканов *(вдогонку)*. Ты, послушай, застрахуй в другом месте.

Кобелев *(в дверях)*. Что? Не понимаю. *(Прощается с вошедшею Квашневой и Сонечкой.)*

Квашнева. Уезжай, уезжай, батюшка, я на тебя сердита.

Кобелев. Я только исполнил свой долг, Марья Уваровна. До свидания. *(Ушел.)*

Носакин. Может быть, Вадим Вадимыч, и нам с Фокой уехать?

Тараканов. Нельзя, Фока нужен.

Квашнева. Вот моя дочь! Софьюшка, мы обсуждаем родственные дела, не стыдись, сядь...

Сонечка. Мама!

Квашнева. Молчи! *(Берет портрет.)* Смотрите, вот портрет, а вот лицо.

Носакин. Удивительно.

Тараканов. Конечно, похожа. Гляди, Клавдий...

Клавдий. Это обман!

Тараканов. Так и постановим – Марье Уваровне верить, племянника моего Клавдия в расчет не принимать, а девицу Софью допросить – желает ли обратиться. Вот. Уф! Нил... капель...

Нил входит с подносом.

Сонечка (*вскакивая, ласкает Тараканова*). Вадим Вадимыч, милый, вы хороший, вы добрый, пожалейте меня. Я сама ничего не смею. А мама заставляет замуж идти.

Квашнева (*хватает дочь*). Не слушай ее, Вадим Вадимыч.

Сонечка. Дядюшка, я не люблю его, я за другого хочу.

Тараканов. Что? Не слышу. (*Тянет Сонечку к себе.*)

Квашнева (*тянет дочь к себе*). А ты не слушай, а приказывай: она рехнулась.

Сонечка. Я не рехнулась, но замуж я не пойду.

Квашнева. Клавдий, иди сюда... (*Стаскивает его с кресла.*) Сюда, ближе... Проси прощения, поцелуй невесту – и шабаш.

Клавдий. Не хочу.

Тараканов. Захочешь...

Клавдий. Нет, не хочу...

Тараканов. Ты мне говоришь?

Клавдий. Вам, дядюшка, и всем.

Носакин. Фока, видишь, гадкий пример.

Тараканов. Да ведь я тебя заставлю...

Клавдий. Заставить нельзя...

Тараканов. Я тебя в амбар запру.

Квашнева. Опомнись, Клавдий.

Клавдий. Сонечка, откажись от меня, заяви твердо...

Сонечка. Я бы сама рада, Клавдий, только ты не поддавайся.

Тараканов. Коли вы так... Фока, сбегай в сад, приведи сюда страховую девицу...

Клавдий. Вы не сделаете этого.

Носакин. Фока, беги мелким горошком...

Фока побежал.

Клавдий. Фока, подожди...

Фока стал.

Боже мой, что говорить?

На лестнице появляется живописец.

Живописец. Эй, вы там, господа хорошие, деньги платить желаете?

Квашнева. Уходи, уходи, кто тебя звал?

Живописец. Звал меня желудок, требующий водки...

Квашнева. Вот тебе деньги, убирайся...

Тараканов. Ты кто такой?

Живописец. Я живописец, а ты кто?

Тараканов. Я?.. Я Тараканов.

Живописец. А мне наплевать, что ты Тараканов.

Тараканов (*затопав ногами*). Как ты смеешь спраши-

вать, кто я такой?

Живописец. Но, но, но! Ловко подмазал, ай да я, талантище! (*Уходит.*)

Тараканов. Как он меня... Уж... как он меня...

Клавдий. Так вы меня обманули... Значит, все обман, обман... (*Берет портрет, стирает замазанное.*) Посмотрите, дядюшка. Вот она настоящая... Красавица...

Тараканов. Эге...

Клавдий. Я вам покажу, что это она... (*Подбегает к окну.*) Где-нибудь там в саду...

Квашнева. Не беспокойся... вон она на балконе с Артамоном целуется.

Носакин. Одно лицо...

Тараканов. Хороша мордашка.

Клавдий. Она... он с ней. За руки ее схватил... Что он делает... Негодяй... Он оскорбит... Ударила его... Так... Еще... Милая... Пустите...

Тараканов. Шалишь!..

Квашнева. Вадим Вадимыч, Фока, держите его... Убьют, не поймаем.

Клавдий. Не смейте в моем доме... Отпустите меня... Я позову людей... Я вас выгоню...

Фока бросается на Клавдия.

Носакин. Ах, убьет! (*Убегает.*)

Тараканов. Меня, старика, из дому гнать! Мальчишка! Подожди, умру, делай что хочешь... Кверху ногами ходи. А

пока посиди под замком. Фока, тащи его в кабинет, под замок. Ах, затылок... Сейчас жила лопнет...

Квашнева (*Клавдию*). Гляди, убили старика...

Фока утаскивает Клавдия в кабинет, запирает.

Сонечка. Мама, уйдемте... (*Заплакала.*)

Квашнева. Идем, идем, Софьюшка. Уложу тебя и сама лягу.

Ушли.

Тараканов. Фока!

Фока подбегает к нему.

(*Ему на ухо.*) Беги на конюшню. Закладывай тройку... Немедленно девицу эту вези сам в Колывань... Там ждите меня... Понял?

Фока. Понял... Вас обязательно дожидаться?

Тараканов. Посмей не дожидаться! Марш!

Фока уходит.

На этакую бабу всякий облизнется!

Занавес

Действие пятое

Картина первая

Там же. В столовой зажжена лампа.

*Из столовой выбегает **Нина**, за ней **Фока** с чемоданом.*

Нина. Что вы пристали, куда захочу, туда и поеду...

Фока. Ну, ну, какая бойкая... Говорю, довезти вас велено до Колывани. А уж там поезжайте сами по себе...

Нина. Что это? Конвой? Где Клавдий Петрович?

Фока. Спрятан.

Нина. Я буду жаловаться... вы все насильники! Сию минуту дайте лошадей, я поеду... где Клавдий Петрович?

*Входит **Тараканов** и запирает двери на крючок.*

Тараканов. Т-сс... что, цыпленочек?

Нина. Кто вы такой?

Тараканов. Успокойтесь, цыпочка. Я дядя его... Тараканов. *(Отводит.)* Клавдий Петрович страшный развратник, он про вас сейчас такие вещи наговорил. Он сказал, будто выписал вас по карточке из Москвы...

Нина. Это неправда!

Тараканов. Мы его заперли, чтобы он за вами не кинулся... Поезжайте немедленно в Колывань, ночью сам там буду... *(На ухо.)* Я думаю, он спятил...

Нина (*страшно задумалась*). Нет, не может быть...

Тараканов. Коли я говорю, значит...

Фока (*поглядел в окно*). Лошади поданы.

Тараканов. Пожалуйте.

Нина. А впрочем, может быть, вы и правы... Женщине так мало нужно, чтобы поверить. Передайте ему... Нет, ничего не передавайте... Прощайте... (*Уходит.*)

Тараканов. Фока, ты понял?

Фока. Понял!

Уходят все.

Квашнева (*выводит из столовой*). Кому лошадей подали? (*Увидев за диваном Нила, который вошел раньше.*) Ты что тут делаешь?

Нил. От Катерины прячусь, пришипился...

Квашнева. Хорош...

Нил. Я заявляю вам, что служить больше не могу и не желаю...

Квашнева. Ах ты, рожа...

Нил. У меня не рожа, а образ... Пожалуйте расчет по всем книгам... Теперь я что захочу, то и делаю. Захочу ходить, ногами топать – и затопаю. И еще врать буду; начну врать и врать через колено. Всем навру-с, как сегодня некоторые.

Квашнева. Вот я Вадима Вадимыча позову, он тебе внушит.

Входит Тараканов.

Вадим, он мне нагрубил, поговори с ним...

Тараканов. Некогда, некогда, сестра, уезжаю.

Квашнева. Куда?

Тараканов. И так запоздал. По делам...

Квашнева. Ты рехнулся. Ведь я же за попом послала...

Поутру обручение...

Тараканов. Ты что тут грубишь?

Нил. Если барина моего за крючок посадили, то я и по-давно готов страдать. Хотя от вашего обращения от меня одна шкурка осталась.

Тараканов. Какая шкурка?

Нил. Бездушная шкурка безо всякой преданности... И для вас я теперь не Нил, а Нил Иваныч Перегноев и водяным именем больше называться не желаю. Батюшка мой был шутник и при святом крещении изволил надругаться, хотя и сам назывался Иваном. Поэтому я хоть и Нил, а Иваныч; а просто Нил – это река-с, на которой живут эфиопы...

Тараканов. Ну, извини меня, братец, я тебя поколочу.

Нил (*зажмурясь*). Претерплю... Пострадаю... За Клавдия Петровича муки приму.

Носакин (*вбегая*). Женщину, женщину в пруду нашел...

Квашнева. София!

Носакин. Нет, бог еще миловал, не она... Вот эта, как... Думаю... дай перед ужином посижу на пруду... Пришел, сел на пенек, гляжу, а в воде плавает женщина, на груди своей охапку белья прижала, боится упустить...

Нил. Катерина!

Носакин. Она самая, Катерина, в пруде...

Нил. Окромья Катерины, хоть в распяном виде, никто не полезет ночью белье полоскать... Вадим Вадимыч, вдарьте вы ручкой, чтобы дух из меня выскочил. Каюсь... Я убийству причина... Через подлое мое обращение спозналась она с холодной водой...

Носакин (*радостно*). Подготовил такой эффект – обрадую вас, господа, сюрпризом: бог миловал. Вытащили бабу без повреждения. Сейчас сидит на траве и громким голосом своим восклицает: «Где мой Нил, где мой Нил...»

Нил. А вы не врете?

Тараканов. Что, попался! Нет, брат, иди!.. И женю я тебя на ней в наказание; сватать приеду сам нарочно, ха-ха!..

Нил. Она из хитрости в пруд кинулась... Водой меня доняла...

Носакин. Идем же... Презабавнейший анекдот, господа... Сейчас к вам Артамона и Сонечку пришлю. Они подробно все расскажут. (*Уходит с Нилом.*)

Квашнева (*вдогонку*). Кого пришлешь? Кого?

Носакин. Артамошку и Сонечку, на пруду они все время сидели... (*Ушел.*)

Квашнева (*Тараканову*). Ты понял? Что делают!.. Ведь Артамона я сама проводила.

Тараканов. Проводила, а он вернулся. Будто не знаешь, нынче ночью...

Квашнева. Что ночью?..

Тараканов. Не ночью, а под утро.

Квашнева. Ну? Говори, идол!..

Тараканов. А ты не наваливайся... Я думал, ты знаешь.

Все видели...

Квашнева. Что видели?

Тараканов. А ну тебя, и видели, и знают. В мезонине...

Квашнева. В мезонине...

Тараканов. Вот то-то. Спроси кого хочешь. Не глухие и не слепые... Да и сам я недавно видел, как они целовались...

Квашнева. Целовались!.. Вадим, позови ты их. Суди...

Я не могу больше...

Тараканов. Ну да... Прощай, десятый час...

Квашнева. Не пущу.

Тараканов. Все равно уеду...

Квашнева. Вадим, я все знаю. Ты в Колывань едешь. Постыдись.

Тараканов. Однако прощай... *(Идет.)*

Квашнева. Вадим, через труп мой перешагнешь... *(Цепляется.)* Не пущу...

Тараканов. Марья, обижусь...

Квашнева. Сейчас дочь приведу... Посиди секунду... *(Убежала.)*

Тараканов. Так и посидел. *(Уходит.)*

Клавдий *(стучит)*. Куда все ушли?.. Что случилось?.. Отоприте.

Из столовой быстро выходит Сонечка.

Сонечка (*подбегает к окну*). Артамон, Артамон, здесь никого нет... Все на пруду. А дядя уехал...

Через окно впрыгивает Артамон.

Артамон. Вот ключ от его двери.

Сонечка. Какое счастье! Где нашел?

Артамон. У мамы под подушкой.

Сонечка. Постой... Ты думаешь все сказать ему?

Артамон. Я тебе это тысячу раз толковал, он только будет доволен.

Сонечка (*прыгая*). Ты любишь меня? Я твоя?.. Милый, милый... (*Тихо.*) Муж... Поцелуй...

Артамон (*суя ключ*). Не мешай...

Сонечка. Не хочешь?

Артамон. Боже мой... (*Целует.*) Вот... черт, не отпирается...

Сонечка. Постой... А вдруг он передумал и сам захочет жениться?..

Артамон. Тогда что? Я не знаю...

Сонечка. Опасно...

Артамон. Спроси через дверь...

Сонечка. Спроси ты... (*Толкает его.*)

Артамон. Нет, ты... (*Толкает ее.*)

Сонечка. Меня не слушает.

Артамон. А на меня зол.

В саду голос Квашиной: «Софья, Софья!»

Сонечка. Все пропало, мама...

Артамон. Ах, черт!.. Сейчас... (*Наклоняется к замочной скважине, оттуда громкий голос.*)

Голос Клавдия. Отоприте...

Артамон отскакивает.

Сонечка. Ай!

Голос Клавдия. Выпустите меня...

Артамон. Видишь ли... Собственно, мы не можем, но если ты побожишься?.. Ты не сердит?

Голос Клавдия. Нет, я совсем не сердит... Я все слышал и вполне согласен. Я хочу дать вам денег на свадьбу, сколько хочется Марье Уваровне...

Артамон. Черт возьми, ты очень умно придумал. (*Отворяет дверь.*) Постой, а ты не шутишь?

Клавдий (*выходя*). Я никогда не шучу. Милые мои, только ведь она не согласится...

Артамон. Согласится! (*Отводит Клавдия в сторону.*) Как бы тебе сказать... Соня и я...

Он и Клавдий глядят на Сонечку, которая покраснела.

Клавдий. Я сразу заметил, вы стали другими. Как хорошо, вы теперь как один человек. Пока не любишь, нет и жизни. Я ужасно измучился взаперти.

Артамон. Ты начал о деньгах. Прости, но сейчас для всех это – самое важное...

Клавдий. Да возьми сколько нужно.

Артамон. Но ведь меньше пятидесяти тысяч едва ли...

Клавдий. Возьми больше... Мне ведь не особенно нуж-

но... Когда-нибудь отдашь... Сонечка, поди сюда...

Сонечка (*со страхом*). Что тебе?

Клавдий. Соня, он сделал мне большое зло...

Артамон. Нет, неправда. Я должен все рассказать...

Клавдий. Я знаю, ты не мог иначе. Сегодня я сидел и думал: застрелить мне тебя просто или на дуэль вызвать...

Артамон. Вот тебе и выпустили!..

Сонечка. Клавдий, голубчик... ты плохо думал. В него стрелять нельзя...

Клавдий. Наконец я решил, что нужна дуэль... Видишь ли, Артамон: в сущности мне больше хочется самому умереть, чем убить тебя.

Артамон. Ты прав... отчасти...

Сонечка. Да, да... ты прав...

Клавдий. Я объясню, и ты поймешь... Во мне всегда был изъян... Тебе трудно понять – ты всегда жил, а я готовился жить. Я ждал женщину, ты только вдумайся – женщину... Я представлял, как на портрете, что она должна быть такой, и ждал такую... Нина Александровна похожа совсем... но разве значит, что она та, о ком я думал?

Артамон. Нам нужно поторопиться... Что ты хочешь – устроить наше счастье, как ты обещал, или драться?.. Марья Уваровна с минуты на минуту влетит.

Клавдий. Ты все-таки не понял. Вот Сонечка поймет, быть может, она еще нежная... Сонечка, ты знаешь: он любит еще Нину?.. Да?

Сонечка. Право, не знаю.

Артамон. Терпеть не могу! Хочешь, побожусь!

Клавдий. Сонечка, закрой глаза и загляни; она любит его?

Артамон. Хороша любовь – сам в окно видел, закатила мне две пощечины!

Сонечка. Вот если бы он так же надо мной насмеялся – сразу бы разлюбила... Помни это, Артамон, никогда не изменяй!..

Клавдий (*Соне*). Ты уверена? Ты заглянула? Да? Загляни поглубже... Соня, Соня, она оттолкнула меня...

Артамон. Клавдий, ты просто наивен... Я побожусь, что она тебя даже полюбит...

Клавдий. Полюбит! Что ты, что ты...

Сонечка. Когда так влюблены, разве девушка может отказать?

Клавдий. Вы не смеетесь? Погляди в глаза ты... (*Оборачивается к Артамону, потом к Сонечке.*) и ты... А не оскорблю ее, если не послушаюсь, поскачу вслед?

Сонечка. Нисколько!

Артамон. Скажи, брат, сломя голову. Если ты действительно влюблен, так под землей найдешь...

Сонечка. К тому же я сильно опасаясь, что Фока над ней снахальничает...

Клавдий. С ней разве Фока?

Артамон. Да. В том-то и дело. И сам Вадим Вадимыч в

Колывань поскакал... Скорей, сию минуту, верхом!

Сонечка. Да не свались.

Клавдий. Ох, нет... Я вцеплюсь в гриву, стисну ногами. Ты знаешь Баяна, он любит меня... умрет, а не остановится, только надо говорить ему ласковые слова, и он все скачет, все скачет... Артамон, сожми руки, как можно сильней. (*Жмет руки, подходит к Сонечке.*) Поцелуй меня в губы покрепче...

Голос Квашиновой.

Сонечка. Не надо, Клавдий.

Артамон. Ничего, он, как брат...

Клавдий. Нет, не как брат, а как влюбленный, но не в тебя, в твою любовь к нему... в нежность... Во все чудеса...

Сонечка. Вот тебе. (*Целует.*)

Артамон. Вывезла!

Убегают Соня и Артамон в одну сторону, Клавдий – в другую.

Занавес

Картина вторая

Въезжая. Горит лампа, за окнами брезжит. На столе самовар. Фока пьет чай и водку. Нина около него, сжала голову руками.

Фока. Это папенька меня за дурака выдает, а я не так-то прост, скажу по секрету. Дураком с нашими удобнее, вот отчего. Не стесняются, а я присматриваюсь и матерьялец собрал разнообразный... Хоть бы тот же Вадим Вадимыч – вот у меня где сидит весь... Может быть, я да еще один человек знаем весьма любопытный анекдот про него... Знаю, а молчу до времени, не пришло... Про всех знаю, все фигли-мигли вижу насквозь... Весь уезд затрещит, только слово скажу. Это карьера. Этого папенька мой не понимает... Капитал почище вашего Коровина...

Нина. Пейте, пейте...

Фока. И выпью... Вот то-то... Например, на кой вам черт, что я гимназию не кончил? Решительно эта гимназия ни при чем. Извините, я очень хорошо понимаю, что требуется от мужчины: силища – раз, расторопность – два... И нахальство – это самое главное... Верно?

Нина. Я же сказала, что вы клеветеете на себя.

Фока. Ерунда! Я человек современный, этими качествами обладаю в совершенстве, и притом карьера...

Нина. Пейте, пожалуйста, пейте.

Фока (*наливает*). Выпьем с вами.

Нина. Я больше не могу, и так уж голова кружится.

Фока. Ну, чего там кружится... Может, это не от вина. А?

Нина. Вы начали говорить о качествах?

Фока. Например, Артамон – против меня ничего не стоит... А почему к нему лезут? Почему живет в свое удовольствие, а я принужден терпеть?.. Все – дурак, дурак! А дурак не кто иной, как мой папенька. Наплевать! Артамону скоро звать нечего, а я на серебре буду есть...

Нина. Видите, как хорошо...

Фока. А если я терпеть больше не хочу! Слышите... карьеру к черту в одну минуту! Кто я такой – Носакин... А вам известно ли, что такое Носакин? Мой дед из-за женщины оттяпал себе мизинец – тут же, при ней... А? Наплевал я на карьеру – жить хочу... Развернусь, пропаду, а накрушу – волосы у всех дыбом станут!

Нина. Не надо такой жертвы, успокойтесь, выпейте.

Фока. Что же вам, мало? Миллиона захотелось... Нет, знаете ли, может быть, я подороже вашего миллиона стою. Я сейчас, например, Вадиму Вадимычу на ушко – не найдется местечка тысячи на четыре?.. Что?.. Фока? Дурак!.. Т-сс... Может быть, неудобно, чтобы некоторые узнали то-то и то-то? Готово. Я говорю – готово!

Нина. Голубчик, советую вам, не жертвуйте так легкомысленно своим будущим из-за простой женщины. Это не умно.

Фока. Значит, вы не обиделись?

Нина. На что?

Фока. На все давешнее.

Нина. Я поняла. В вас много непосредственной, но еще грубой силы; вас нужно обуздать.

Фока. Папенька обуздывает; Вадим Вадимыч прямо говорит: сокращу; и вы за то же принялись.

Нина. Вы мало знаете женщин. Чем сильнее вы нравитесь, тем дольше мне хочется испытывать влечение, неудовлетворенность, скучать по вас.

Фока. А вы долго намерены скучать по мне?

Нина. Я еще боюсь немного. Уж если довериться кому, так наверняка... Например, вдруг сейчас придет Вадим Вадимыч, а вы и струсите...

Фока. Я струшу? Ха-ха... Струшу!

Нина. Теперь-то я почти уверена, что вы защитите меня от этого ужасного человека...

Фока (*приближая лицо к лицу Нины*). За чем же дело стало?

Нина. Ах, я просила бы не говорить об этом. Успокойтесь... ложитесь спать, я же поеду... Если Тараканов нагрянет, постарайтесь выдумать историю. Только, смотрите, не говорите, что я в городе. Сейчас велю запрягать... (*Идет к выходу.*)

Фока. Нина Александровна. (*Она остановилась.*) Успеете, садитесь, еще по одной...

Нина. Поймите, я боюсь, что Тараканов...

Фока. Наплевать на Тараканова. Садитесь...

Нина. Что еще? Ведь мы уже решили...

Фока. Сядьте.

Нина. Я вас боюсь... *(Идет к двери.)*

Фока. Нина!.. подожди!..

Нина. Что за наглость!.. Я должна ехать сию минуту...

Фока. На чем?

Нина. Как?!

Фока. Ездят на лошадях. А ни Володьки, ни лошадей нет...

Нина. А где же лошади?

Фока. Послал с Володькой к конокраду... Угостить хочу сам, не все на ваши деньги...

Нина. Вы сумасшедший, или... *(Подходит.)* Что вам нужно? Вы действительно чудовище... Я отворю окно и закричу...

Фока. Сколько угодно, изба на краю села, одни собаки залают.

Нина. Фока, поговорим серьезно. Вы мне нравитесь, но я не терплю грубости...

Фока. На этом ходе вы уже срезались, Ниночка. Придумайте поновее.

Нина. Нет, не срезалась. Я вас ненавижу.

Фока. Хо-хо-хо!

Нина. Вы мне противны...

Фока. Ха-ха-ха!

Нина. Попробуйте подойти... Попробуйте тронуть!..

Фока (*встает, подходит и хватается Нину*). Вот как...

Нина. Оставьте. (*Вырывает руки.*)

Фока опять схватывает.

Не ломайте руки... Больно...

Фока (*целует*). Раз в жизни. (*Целует.*)

Нина (*вскрикивает*). Что вы сделали... Неужто вам не жалко?.. И без меня много девушек... А у меня прибавится лишний камень на сердце. Неужто, если я женщина, нужно всем насильничать...

Фока. Молчи. Сейчас моя воля. И плакать перестань...

Нина. Я так измучилась. (*Идет к перегородке. Фока за ней. В дверях Нина вдруг толкает Фоку в грудь и быстро запирается.*) Вот!

Фока. Ах, черт! Врешь... Отопрешь! Отопри, Нина! (*Ломит дверь плечом, потом схватывает скамейку и ударяет скамейкой.*)

В это время входит Клавдий, Фока его не видит.

Клавдий. Фока! Ты что стучишь?

Фока. А! Это вы!.. Ну, стучу... Вам какое дело?..

Клавдий. Где Нина Александровна?

Фока. Почему я знаю...

Клавдий. Где Нина Александровна?

Фока. Да вам-то что?

Клавдий (*вырывая скамейку*). Я дядюшку в лесу прибил,

а тебя здесь убью!..

Фока (*отступая к окну*). Ну, ну, только троньте... (*Приготовляется кинуться на Клавдия, но, взглянув в окно, мимо которого пробежала Нина, восклицает.*) Удрала в окошко. Ах, черт! (*Выпрыгивает в окно.*)

На улице вскрик Нины, возглас Фоки и густой голос Тараканова.

Клавдий бросается к окну.

Клавдий. Какой ужас! (*Поспешно выходит в дверь.*)

За окном беготня и крики. Затем в дверь врывается Нина, растрепанная, останавливается посреди комнаты.

Нина. Какой ужас.

Голоса за сценой.

Фока (*за сценой*). Не смей бегать, не уступлю никому, моя все равно.

Тараканов (*за сценой*). Не смей, мальчишка, вот я тебя... *Возня, удары, крики. Входит Клавдий.*

Клавдий (*тяжело дыша*). Мало им, надо было больше... Простите... Может быть, я не прав...

Нина (*с пылающими глазами*). Вам досталась, берите...

Клавдий. Боже мой, что вы, успокойтесь...

Нина. Вам не все ли равно...

Клавдий. Ну, я уйду сейчас... я только покараулю, чтобы они не ворвались. Вы постучите, когда я понадоблюсь... Я буду в сенях. (*Уходит.*)

Нина. Не поможет, не беспокойтесь, не позову! (*Засмея-*

лась, смех перешел в плач. Упав на лавку, она забилась.)

Клавдий (*вошел и присел над Ниной*). Перестаньте, не нужно плакать. Подумайте о чем-нибудь веселом. О чем плакать... Обиды или зла никакого нет... Все это мелочи, сами выдумываем... Честное слово, я сразу понял... и решил непременно увидеть вас...

Нина. Ах, дайте воды...

Клавдий (*подавая воду*). Непременно, думаю, скажу ей одну вещь...

Нина. Какую же вещь скажете?

Клавдий. Вы правы, вы во всем правы, а я просто так — человек. От каждого вашего страдания, от каждого вашего падения вы поднимаетесь все выше, как солнце, а мне не достигнуть вас никогда; но, увидев хоть раз, я освещен на всю жизнь... Вы сейчас уедете, мы не встретимся, наверно, больше, потому что вы меня ведь не любите; но вы моя жена... Это на словах выходит глупо, а на самом деле так. Еще водицы? Я пойду покличу кого-нибудь, чтобы лошадей нашла. (*Идет, останавливается, смотрит, как Нина ложится; снимает пальто, подкладывает ей под голову.*)

Нина. Спасибо...

Он быстро возвращается.

Клавдий Петрович....

Он опять идет к двери.

Что вы сказали? Я плохо поняла...

Клавдий. Свои мысли...

Нина. Неужели так думаете? Как жаль – ведь это неправда... Я обыкновенная слабая женщина...

Клавдий. Это ничего не значит... Может быть, и вам и другим представляетесь обыкновенной, а я увидел другое в вас. Я думаю, у каждого есть портрет возлюбленной; коли встретишь ее – так на всю жизнь. А все остальные – случайные люди. У вас есть, конечно?

Нина. Был; я бросила.

Клавдий (*тихо*). А если только возможно, я поеду туда, куда вы поедете...

Нина. Клавдий Петрович... Подойдите ближе...

Клавдий. Зачем?

Нина (*приподнимается*). А я виновата перед вами?

Клавдий. Ничем.

Нина. Смотрите в глаза... Милый мой, милый мой! (*Обняла, целует.*)

Клавдий (*с громким, радостным криком склоняется над ней*). Жизнь моя, жизнь!

Занавес